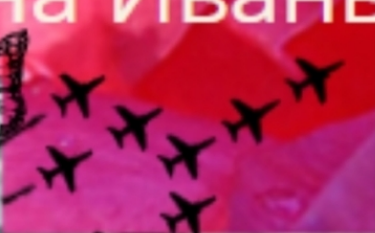
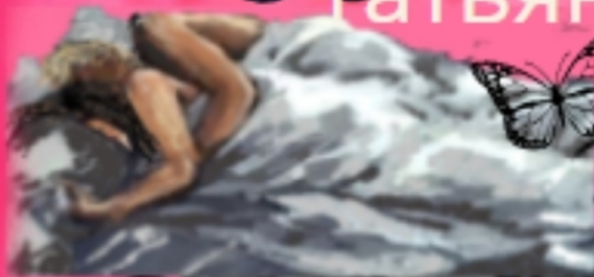

Татьяна Иванько

Миллионеры

(Повесть о настоящем)

ТОМ 2

18+

МиЛлениум

Татьяна Иванько

**МилЛЕниум (Повесть
о настоящем) Том 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

МилЛениум (Повесть о настоящем) Том 2 / Т. В. Иванько —
«ЛитРес: Самиздат», 2018 — (МиЛлениум)

ISBN 978-5-532-95927-9

Сердце разбитое вдребезги, дотла выжженная душа, ищущая смерти... Возможно ли возродиться к жизни? Предательство и ложь победят любовь и преданность. Герои проходят новые испытания, война, смерть и новые люди. Лёню война опалает в прямом и переносном смысле. Можно ли вернуться с войны более живым, чем попав в её пекло? Выйдя из её страшной мясорубки Лёня не сразу понимает, как ему продолжить жить, вернуть прежнее или начать всё заново. Но Лёля, тем временем, оказывается в капкане своих ошибок и невозможности примирить прошлое и настоящее. Бегство от прошлого спасает на время. Её ждут новые встречи со старыми знакомыми, и эти встречи заводят слишком далеко, снова запутывая её жизнь ещё больше. Большой город даёт много возможностей и много новых испытаний. Возможно остаться чистым, погрузившись в грязь? Встретятся ли влюблённые вновь? И нужно ли им быть вместе?

ISBN 978-5-532-95927-9

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 5	5
Глава 1. Невеста	5
Глава 2. Сны и будни	11
Глава 3. Красный крест	19
Глава 4. Ничего не останется, если	28
Глава 5. «Лёля!»	33
Часть 6	40
Глава 1. Кому выгодно?	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Иванько

МиллЕниум (Повесть о настоящем) Том 2

Часть 5

Глава 1. Невеста

Смерть теперь моя невеста.
Ей никогда не изменить.
Она в глаза глядит всё время,
Она обнимает...

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она целует в губы
Её холод в меня втекает.

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она уже течёт по венам,
И трогает сердце моё.

Смерть теперь моя невеста
Ей никогда не изменить.
Она освободила мою душу
И я лечу.
Всё бери, моя невеста,
Там ничего уж нет...

Я примчался в общежитие. Почему? Я хотел увидеть хоть кого-нибудь, кого я знаю, кто не изменился. Кто остался тем, кого я знаю.

О Лёле я не могу даже думать. Моя душа горит напалмом. И гореть будет так долго, пока не выгорит дотла...

– Привет, – Юрка дома, он открыл мне, удивляясь моему виду. – Ты чё такой? Морда разбита...

Разбита? Я не понимаю о чём он.

– Праздник отмечал что ли? – он оглядел меня и пропустил в комнату, а сам полез в холодильник в «предбаннике».

О каком празднике он говорит, интересно?..

– Может, пива выпьешь? – Юрка по-прежнему недоумевая, разглядывал меня.

Я кивнул, не говоря. Я не могу говорить. Я будто онемел... Я заговорил, только на утро, когда попросил Юрку съездить к моему отцу домой, привезти паспорт. Только не говорить, где я.

– Паспорт? – удивился Юрка, – на фига тебе вдруг понадобился паспорт? «Голосуй или проиграешь», что ли? Или как там ещё? «Голосуй сердцем»?

Я не помнил ни о каких выборах, о которых мы говорили так много в последние месяцы...

– Что у вас, конфликт в благородном семействе? У нас теперь жить будешь? Или Милку погонишь? Лёлька-то где? – не унимался Юра, впервые проявляя столько любопытства.

– Юр, привези паспорт и всё, – взмолился я.

Он странно смотрит на меня, Люся утром, тоже.

– Ребят, дайте хотя бы поссориться нормально, – сказал я, чтобы они не расспрашивали, не говорили ничего больше, не комментировали. Сейчас выпить, уколоться, не знаю, что... сохнуть бы. Почему это так просто?

– Давай поедим? – спросила Люся, когда Юра уехал, – или Юрку подождём?

– Что?.. – рассеянно переспросил я, взгляну на неё, – как хочешь, давай подождём...

Люся включила телевизор, все каналы говорили о теракте в метро накануне вечером. Я ещё ничего не слышал об этом. На дежурстве ночка выдалась ещё та, а вчерашний день весь из памяти вон. Но Люся уже в курсе, рассказала мне и о четверых погибших и о том, кто взял на себя это злодейство... Ничего нового...

Решение как прозрение, как луч снизошло на меня. Я хочу умереть, и существует самый, что ни на есть достойный мужчины способ. Не спиться или загнать в кровь убойную дозу отравы, а погибнуть в бою. Стать воином, стать мужчиной, не мальчишкой у которого можно отобрать жену и он ничего не сделает с этим...

Я ничего не сказал друзьям. Я не слушал Юрку, который рассказывает, что застал дома только моего отца и тот был странный, даже не удивился его приезду. Я ничего не спросил о Лёле... Я не могу даже думать о ней. Во мне всё омертвело...

Лёля была дома, когда приехал их одноклассник за Алёшкиным паспортом. Кроме паспорта ничего, значит, не надо ему? Что ж, тем лучше, сам придёт, тогда и обговорим всё...

А Лёля спала. Я не спал и, будто боялся, что она сбежит, стерёг её. Она разбила ноги в кровь, когда побежав за Алёшей вчера, потеряла свои шлёпанцы.

Я не могу оставить её, отпустить хотя бы на минуту. Я не поехал на работу сегодня, отзвонившись, кому надо ещё с вечера, моя заместительница вырубала меня тысячу раз. Я не могу оставить Лёлю одну.

Она молчит. Я говорю. Она не спорит. Не упрекает больше...

– Зачем ты гналась за ним? Думаешь, он простил бы? – я обработал раны на её ногах, завязал бинтами. – Этого никто не простит. Мы теперь с тобой вместе.

– Да, как соучастники убийства, – ответила она. Взглянула тёмными глазами из-под ресниц. – Шайка.

– Не надо, никто не умер.

Тогда она посмотрела на меня так, будто знает намного больше о происходящем, чем я.

– Лёля, успокойся...

– Кирилл, прошу тебя не говори больше ничего... ничего о Лёне.

Я посмотрел на неё. Что ж, мне же легче. Теперь она моя. Как никогда не была ещё.

Но только жизнь стала, будто угасать в ней с каждым часом. Что мне сделать с этим? Осталось только ждать. Очнётся, молодая.

В воскресенье мы не идём на выборы. Лёлин избирательный участок в их общежитии, но она не поехала. Мы не выходили из дома все дни до понедельника. Зоя Васильевна привезла продукты. Все эти дни я и счастлив и несчастен. Счастлив, потому что мне ни в чём нет отказа, но несчастлив, потому что ни разу за эти дни я не видел у Лёли настоящей улыбки.

В понедельник я должен был пойти на работу. Хотя бы на пару часов. И я с тревогой оставил её. Я опасался, не сделала бы она чего-нибудь с собой...

Но вернувшись, я застал пустую квартиру и понимаю, что Лёля ушла. И не просто вышла. Она ушла совсем.

Она взяла совсем мало вещей. Оставила даже свои духи. Те самые, «Orіum» и помаду... Но гитару Алёшкину забрала. Но не оставила для меня ни слова. Ни записки, ни звонка, ничего.

Как, где, мне искать её? Где он? Она может быть только там, где он... Выходит, и меня она любила, пока он был с ней...

Я несколько дней размышлял, искал её в общежитии, где не было ни её, ни его, потом звонил в Н-ск, осторожно расспрашивая родителей. Но Алёши и Лёли не было и в Н-ске. Где же они? Я сходил в «гараж», обнаружил там уютное молодёжное логово, позавидовал даже...

Получается, я завидую всему, что есть у моего сына... В конце-концов, начальник городского УВД, навёл справки для меня и к середине июля я узнал, что Алексей Кириллович Легостаев отправился по контракту в Чечню...

Я всё понял. Но как быстро он сделал это... Ещё через несколько дней нашлась и Лёля, которая напросилась на кафедру Акушерства, акушеркой и ночевала на работе, выходя на улицу только чтобы купить поесть.

Здесь, в десятом роддоме я и нашёл её. Она похудела невероятно, халат болтается на ней, старомодный с застёжкой на спине, не из этих, из гуманитарной помощи, а из старых, ещё советских. Голые ноги, тапочки на небольшом подъёме, белая шапочка спрятала волосы... Увидев меня, она побледнела, нахмурилась.

– Не надо бояться меня, – сказал я, приближаясь и готовый ловить её, если она вдруг побежит.

Почему мне пришло это в голову? Потому что я искал её почти полтора месяца?

– Я тебя не боюсь, Кирилл, – сказала Лёля, подпуская меня к себе. – Такие, как я ничего не боятся.

Какая-то санитарка неодобрительно оглядела меня с головы до ног, хотя любому ясно, что если я проник сюда, то я не простой гость, но санитарки, как и вахтёрши, так любят командовать... эта не посмела, однако.

– Не надо, Лёля... – поморщился я. – Пойдём, выйдем на улицу, поговорим.

Она смотрит на меня, огромные, тёмные как вечернее небо глаза, качнула головой:

– Идём...

Скамейки вокруг роддома оккупированы молодыми папашами, но мы с ней нашли место. Лёля сняла шапочку с волос, пучок под затылком вот-вот распадётся, торчат шпильки... Я смотрю на её прелестный профиль, как хорошо на него смотреть, когда она смеётся, когда улыбается, когда спит рядом...

– Я знаю, где Алёша, – сказал я, надеясь этим вызвать её интерес к себе.

Она посмотрела на меня ещё более чёрным взглядом:

– Я тоже знаю. Я была... – у неё дёрнулась шея, – была на станции, когда они... Когда он уезжал...

– Как ты успела? – изумился я.

– Я сразу знала, где он. Он мог поступить только так, – она сощурилась от солнца, но больше похоже на то, что она морщится от боли.

Я откинулся спиной на заскорузлые от старой краски доски скамьи.

– Значит, ты знаешь его гораздо лучше, чем я...

– Да, Кирилл, – спокойно согласилась она.

– А меня знаешь? Куда пошёл бы я на его месте? – волнуясь, спросил я.

Лёля потрянула головой слегка:

– Ты, как все: пошёл бы пить да б**дей трахать, таких, как я, – невозмутимо сказала она. Я таких выражений никогда не слышал от неё.

Это как пощёчина, это и жутко и трезвит...

– Он пишет? – спросил я, надеясь как-то смягчить её пугающую непреклонность.

– Мне? Да ты что! – сказала она, отрицательно мотнув головой. И добавила: – Мне он никогда не станет теперь писать... я хуже смерти, хуже ада. Хуже фашистов...

Она встала:

– Я пойду, Кирилл, мне надо. Я здесь и так на птичьих правах...

Я смотрю на неё, она такая тоненькая в этом старомодном халате с пуговицами на спине, голые колени, тапочки без задника, розовые пяточки... Лёля...

– Подожди, Лёля, не уходи, побудь со мной...

После мгновенного сомнения, она всё же села рядом со мной. Села ближе, чем перед этим.

– Ты никогда не простишь меня теперь? – спросил я.

– Кирилл, мне не за что прощать или не прощать тебя, я виновата больше, чем ты, – сказала Лёля. – Намного больше. Ты даже не представляешь насколько больше.

Я набрался смелости и обнял её за плечи. Как ни удивительно, она не только позволила, но и прильнула ко мне. К моему плечу, к моему телу...

Да, так. Так! Я не знаю, как я выдержала эти пять недель одна. Как я вообще смогла остаться жить после всего... И сейчас мне было не устоять, перед соблазном почувствовать его тепло, его руку на моих плечах.

Когда на пятый день после того, как Лёня ушёл из дома, из моей жизни, вернее, был изгнан, я первым делом, конечно, примчалась в общежитие. Именно примчалась: едва Кирилл уехал на работу, я собралась и почти бегом бросилась сюда. Но я опоздала. Я уже опоздала...

Он уже ушёл и отсюда. Ребята не знали, где он, были уверены, что он уехал домой, в Н-ск. Но я знала, что его нет там. Я звонила и, не рассказывая ничего, знала, что и Лёня ничего не сказал ни о нас с ним, ни обо мне с Кириллом.

В Н-ске все наши родные были убеждены, что мы с Лёней остались в Москве потому, что у Лёни военные сборы через неделю... Но коли его нет уже в общежитии, он... Я думала не больше нескольких минут над тем, где же он... Я не сомневалась в своей догадке, куда он отправился.

И не ошиблась. Он забрал документы из института и... Вот в какой именно военкомат он обратился, это мне предстояло выяснить. Да и разыскать его потом, тоже.

Я нашла. Это стоило мне многих дней, терпения, усмешек и недоуменных взглядов, взглядов, смеривающих меня с ног до головы, наглых вопросов и даже сочувствия, но всё это далось мне легко, мне было наплевать на себя в этот момент, на то, что подумают обо мне, вызываю я жалость или насмешки, в этих моих поисках мужа по всей Москве.

Я не надеялась, конечно, остановить, вернуть его, я осознаю, что это невозможно, его и раньше нельзя было остановить в его решениях. И в том, что он не простит меня, у меня не было сомнений. И не надеялась на его прощение, я знала, когда переступала через границу.

Но не увидеть его до того, как он отправится на войну, я не могла. Я нашла, наконец, этот чёртов сборный пункт. Но опять не застала.

Я едва успела на станцию, откуда отправлялся поезд с ребятами. Их уже остригли и, конечно, успели выдать обмундирование, оказывается, в эти три недели они успели пройти в стрелковой части под Москвой «учебку», то есть уже считались готовыми солдатами...

День был солнечный и тёплый. Приятно-тёплый, нежаркий. Ветерок легонько касался своими крыльями, шелестел листвой. Воробьи купались в луже, между рельсов тупика, по которому я долго плутала, прежде чем вышла в нужном направлении. Очень жизнерадостный, по-настоящему летний мог бы быть день, если бы я ещё способна была радоваться, и если бы это не был день расставания. Но не просто расставания, мы не разлучались с Лёней в течение пяти лет больше, чем на сутки, когда он уходил на дежурства, а теперь...

Вот он... Вот мой солдатик, среди прочих, почти неотличимый в форме и торчащими беззащитно ушами, голой, незагорелой шеей, всегда прикрытой длинными когда-то волосами...

Я узнала его издали, сразу безошибочно определив между остальными его стройную высокую фигуру...

Я была тут среди прочих таких же женщин, матерей, сестёр, жён, бабушек, и отцов... Я крикнула:

– Лёня! – окликая его, не надеясь, что среди всеобщего гвалта он меня услышит.

Но Лёня услышал, как слышал всегда...

Он обернулся, сразу увидел меня... Мелькнувшая было в его глазах мгновенная радость, тут же сменилась холодом. Голубые глаза вмиг стали серыми, стальными, из сердца наливаясь мглой, застилающей их ясное небо...

И всё же он подошёл ко мне.

– Я принесла тебе гитару, – сказала я, поднимая с земли «Музиму» в чёрном чехле.

Он не смотрит мне в глаза. Но сейчас пугающе похож на Кирилла без своих волос, просто копия своего отца, только юный, тонкий, тонкокожий... Мне вблизи него становится ещё стыднее и хуже, чем пока я его разыскивала.

Он взял гитару из моих рук, не касаясь меня, будто боясь обжечься или, вернее, отравиться...

– Я... не сказала никому... нашим, никому... – пробормотала я, не в силах заставить себя говорить нормально.

– Я тоже не сказал... – он нахмурился. – Ты... не говори, что... что я... Они в Н-ске с ума сойдут...

– Я не скажу... Лёня...

– Развод я подпишу... Ты пришли, как только тебе... как только вам с ним... Словом, – он нахмурился, краснея, отвернулся: – как будет надо, я подпишу, не волнуйся.

– Мне никогда не будет это надо.

Он не сказал ничего, помолчал немного, потом усмехнулся, качнув головой, мельком скользнул взглядом по мне:

– И ему такое же «динамо» крутишь, как и мне... Ты, поэтому не хотела за меня замуж... Думала...

– Я всегда хотела за тебя замуж... Лёня, я...

Он побледнел, в отвращении дёрнулись губы, он по-прежнему не смотрит на меня:

– Не надо! Не надо мне твоих исповедей. Ты живи, как считаешь нужным теперь. С ним...

Или без него, это как хочешь...

– Лёня!.. – я хотела коснуться его, будто это может остановить его, но не решилась.

– Пока, Лёля! – он уже хотел идти.

– Не смей погибнуть, Лёня! Слышишь?! Я не одна тебя люблю... – почти крикнула я. Из разорванного сердца вылетают эти слова.

Он оглянулся всё же, всё же посмотрел мне в глаза, но тут же, снова нахмурившись, отвернулся и пошёл от меня с гитарой к своим товарищам, к вагонам. Я не ушла пока они, все эти парни, не погрузились в вагоны, пока нас, провожающих, не прогнали с платформы, состав тронулся уже после этого... Другие плакали. У меня не было слёз. У меня, со мной, во мне была только пустота. Пустота, которую ничто без него, без Лёни, никогда не заполнит...

И вот он, Кирилл, как две капли воды похожий на него, на Лёню, только тяжелее, мощнее телом... И в обычной одежде, не в форме, как Лёня... Я так ослабла, я совсем одна. Я никому не могла даже рассказать, куда отправился Лёня. Я должна была переживать это одна. И, наконец,

Кирилл пришёл, появился, опять рядом, со своим тёплым взглядом, своими тёплыми руками... Как я могу не позволить обнять себя?

– Вернись ко мне, Лёля... – Кирилл наклонился ко мне. – Прости меня и вернись.

Я вздыхаю, ты даже не представляешь, как я хочу вернуться... Вернуться в прежнее время, когда не было ничего, не было греха, не было жгучей боли, с которой я живу не полтора месяца, нет... Я живу с ней с зимы, с того дня, как раздвоилась, разделилась, стала его и твоей... Но туда возврата нет...

– Ты ведь любишь меня, – сказал Кирилл.

Я повернула голову, чтобы видеть его лицо. Люблю. Люблю Лёню в тебе, Кирилл, вот в этом дело. Вы так похожи и такие разные, одинаковые лица, тела и совсем разные, не похожие души и сердца...

– Что ты предлагаешь, будем жить счастливо, ведь нам теперь никто не мешает? – сказала я. – Будем наслаждаться свободой, пока Лёнька под пулями? Ты думаешь, он беречься там станет? Ты думаешь, не предполагает, что мы тут делаем... как развлекались за его спиной...

– Я не развлекался. Я... пять с лишним лет, с тех пор, как увидел впервые...

– Не надо... – она наклонилась вперёд, стискивая виски ладонями, шапочка упала на землю с её колен, я поднял.

– Что же мне прикажешь делать? Тоже в Чечню податься?!

Она повернулась ко мне:

– А мне? – тень от ресниц упала на глаза, совсем затемняя их. – Мне как теперь оставаться жить? Мне? Я предала и его, и тебя... Если с ним что-то будет, я... Я не знаю, как тогда...

– Перестань, Лёля, – я потянул её к себе за плечи. – Уже не исправить ничего, надо просто жить...

Она покачала головой:

– Я не могу. Не могу просто жить, Кирилл. Ты можешь? Когда он ТАМ? По нашей вине...

– Ну, хорошо, мы ужасные люди, он там по нашей вине, но он не один ТАМ! Остальные, почему там?!

Она усмехнулась жутко:

– Так они по контракту, ты не знал? Это же добровольцы, они все, контрактники. Кто за чем. Деньги кому-то, кому военная романтика... И наш по контракту. Медик.

У меня дрогнуло сердце, «наш»... Я будто вспомнил, только что вспомнил, что он мой сын... Мой сын отправился под пули из-за того, что...

Что это? Способ самоубийства? Способ забыть, отодвинуть боль? Уйти от нас с ней, с Лёлей?

Я вижу, ему больно, больно за сына. Он, похоже, только теперь, в эту минуту понял по настоящему, что произошло, что мы натворили с ним. До него не доходило будто...

– Не оставляй меня одного теперь... – проговорил Кирилл, бледнея.

Боже...

Глава 2. Сны и будни

– Кто это, Лёх, чё-то не поцеловались даже? – спрашивает мой новый приятель, с которым мы познакомились в первый же день.

– Мачеха, – сказал я.

Это слово, которого боится каждый с детства, всё, что я готов был произнести в ответ на этот вопрос. За ним, отгораживаясь, пряталась вся моя жизнь, то, о чём я не могу даже помнить сейчас. Я не могу думать, тогда я начну снова чувствовать, а если стану чувствовать, сердце моё взорвёт болью. Я могу только быть под наркозом. Эта война должна стать моими наркозом...

Когда я забирал документы из деканата, меня не могли не спросить:

– Что, переезжаете куда-то? За границу? – заинтересованно заглядывая мне в лицо.

Я посмотрел, не понимая вопроса, за граница?.. что это?

– А... нет... да... – пробормотал я.

– На красный диплом идёте и уезжаете, жалко, Алексей Кириллович...

Я сказал ещё что-то, меня даже уговаривали какое-то время. Говорили, что остался всего год, что у меня самые радужные перспективы. Что... Я не слушал, мне не терпелось поскорее выполнить задуманное. Будто за мной гнались.

В военкомате смотрели на ссадину на моей щеке и разлившийся вокруг синяк.

– От закона скрываетесь, может?

– Нет. Я студент.

Подозрений стало ещё больше:

– То-то, что студент... – военком прищурился, разглядывая меня пристальнее. – А что понесло студента с последнего курса на войну по контракту?

Я смотрел на этого человека, который, наверное, обязан быть подозрительным...

– Понимаете... Отец женился на молодой, ревнует жену ко мне, – выпалил я.

Тип ослабил, с ухмылочкой покачал головой, подписывая моё заявление и прочие документы, и расспрашивать больше не стал.

Со мной заключили контракт на три месяца. И я думаю до сих пор, как же это можно заключать контракт, чтобы идти воевать на три месяца?

Три месяца воевать. Защищать Родину три месяца. А потом что? На отдых?

Что-то противоестественное в этом, противоречащее смыслу даже самих слов защищать Родину. А я шёл за этим. Там бандиты, «боевики», враги... Опять какой-то абсурд, очевидно, списанный с западных образцов. Может они поймут когда-нибудь, что там, в кажущихся кому-то прекрасными, далях, тоже не идеальная жизнь, больше того: во многом для нас не подходящая.

Никогда для русских не подходила западная жизнь. У нас даже вера, религия, её суть, отлична от их. И всё наше копирование превращается в пародию и уродство... Это уродует и ломает тех, кто встраивается, пытается действовать в их логике, противоречащей исконной нашей внутренней сути. Это как вкручивать неподходящие по размеру детали в механизм, они ломаются, они теряют форму, искажаются окончательно и всё равно не подходят. Во всём так. Даже в мелочах. Точно как с программ-контролем по факультетской хирургии когда-то было...

Я занимал свою голову, свои мысли чем угодно, только чтобы не думать, не видеть то, что поминутно возникало перед моим мысленным взором. Я не могу даже мысленно описывать то, что я увидел, это разорвалось бомбой в моей голове, выжгло разом во мне всё, что было, ведь всем во мне всю мою жизнь была Лёля. И она... Она... Господи, как больно... Невыносимо, тошнотворно, омерзительно и больно...

Удивительно, но на отца я даже не слишком злился. Может быть потому, что по сравнению с Лёлей его место и в моей жизни, и в моей душе было намного скромнее.

Но как я ни старался, как ни заставлял себя, как ни настраивал, каждую ночь она была со мной...

Да и каждый день, будто стояла рядом, здесь, за плечом, стоит оглянуться, и я увижу её, её глаза, она улыбнётся: «Лёничка...» И в казарме, где с ещё несколькими десятками таких же, как я обритых парней в зелёных майках и сатиновых трусах спал на узкой скрипучей койке, под худосочным одеялом, колотившим меня сквозь ветхий пододеяльник.

И на стрельбах, где я, как и все пытался научиться поражать мишени и передёргивать затвор, менять магазин, собирать и разбирать автомат. Впрочем, последнему мы все отлично научились в школе на НВП. И на плацу, где мы шагали под речёвки и песни. Здесь я запевалой не стал, моя душа не пела...

Мне хотелось выть по ночам, когда я видел её в благостных снах из нашей прежней жизни, а проснувшись и приходя в себя спросонья, понимал, где я и что... Я кусал кулак до крови, только чтобы не взвыть. Взводный, заметив как-то ссадины на моих руках, спросил, с кем это я дрался. Но никто не признался, что пострадал из-за меня, забияки...

А потом она пришла проводить меня на вокзал и узнала же, нашла. Мудрено было найти, а нашла...

Я ждал. Я убеждал себя, что жду напрасно, она не может знать, где я, куда решил идти, она никогда не найдёт меня, но я как ребёнок, верящий в деда Мороза, надеялся при этом, я мечтал, что она придёт, что я увижу её.

Я почувствовал её взгляд сразу же и сразу подумал, что мне мерещится, потому что я слишком хочу, чтобы она пришла, мне самому себя было стыдно из-за этого желания... как какой-нибудь слабак...

Чтобы просила прощения, не знаю, что ещё, не знаю...

Только увидеть её... Если бы он не догнал её в тот день, если бы не унёс почти насильно домой, если бы она догнала меня, я бы простил?

Я задавал себе этот вопрос вновь и вновь, но я не могу ответить...

Простить... Я не могу думать об этом, о том, что Лёля...

И вот она пришла. Совсем другая. Другая, не такая как всегда, не такая как была, когда любила меня...

...Я не могу не думать, когда это всё началось у них, почему я не замечал? Почему не почувствовал?..

Принесла мою гитару. Я забыл и думать о музыке. Она не забыла... держит чёрный этот чехол, он слишком здоровенный для неё, для её тонких рук...

...А как она, оглядывалась на улице, когда побежала за мной... растерянно искала меня глазами... я видел её, она меня – нет...

И как он догнал её... догнал...

И вот она стоит здесь, и я понимаю, что я люблю её так, что это перекрывает, отодвигает собой и обиду и разочарование и смертельную ревность и отвращение к тому, что она, ОНА делала с моим отцом...

Почему, Лёля?.. Что я делал не так?! Чего не хватило тебе во мне?!

Всё же я не смог...

Лёля, она не сказала никому ни о них с отцом, ни о том, что мы разошлись, ни о том, куда я отправился... Ну, последнее понятно, боится напугать маму и бабушку с дедом, но остальное...

Потому что не закончила со мной?

Но как это может быть? «Я люблю её, я её любовник...»

Я заставляю себя засыпать, вспоминая пары черепных нервов, потом мышцы шеи, кости черепа. Но я слишком хорошо всё это помню...

«Я не одна тебя люблю»... Она считает, я хочу отомстить ей. Нет, я просто хочу бежать...

«Люблю»... а его? Я ничего не понимаю... как можно любить и предать так низко? Лёля...

– Сыграй, что ли на гитаре-то, Лёха, что зря тащишь, – говорит Генка Костенко, мой теперешний приятель.

Мы разместились в вагоне, сразу заполнившемся нашим густым запахом, молодых, сильных тел, носков, сапог и ещё нового обмундирования. Сквозь грязные и мутные стёкла вагона плохо видна часть запасных путей, на которых стоял наш состав. Но скоро дёрнули вагоны, шатнув нас, кто-то повалился к всеобщему веселью, снова все расселись по местам, или встали, кто-то смотрел в окна, но большинство – нет.

Я вытащил гитару из чехла, погладил по грифу, как по длинной шее. Перебрал струны. Не расстроилась даже...

Я взял несколько аккордов, думая, что бы сыграть... И сыграл вот эту, про Невесту-Смерть.

Взводный пришёл к нам, без улыбки, мельком взглянув на меня:

– Хорошо поёшь, парень, только там, куда едем, и без твоей песни хватит этих «невест» на весь наш поезд, не пой о Ней больше, Она и так всегда рядом, незачем зазывать, – он сказал удивительно просто, без пафоса и выпендрёжа и даже без приказного тона, хотя он командир.

Мы все посмотрели на него, выпрямившись разом, и притихли, я вижу, как побледнели и разом помолодели лица моих товарищей, как из разудалых парняг, которых все здесь строили из себя, они все вдруг стали юношами, которые не знают ещё даже куда едут...

Мы ехали чуть меньше двух суток. Из благополучной, сытой, распушенной Москвы, мы приехали... не знали куда...

И верно, мы не знали. Нас ссадили из вагонов, на какой-то станции, тоже на запасном пути, как и тогда, когда отправляли сюда.

Мы вышли, медбатальон формировали отдельно и, хотя все мы были при оружии, всё же мои товарищи по учебке пошли не слишком идеальными строями в сторону от нас. А меня позвали и повели с другими, среди которых были и девушки. Что же девушки-то сюда тоже поехали, не мог не подумать я...

Я не хотел идти медиком, собирался скрыть и идти на общих основаниях. Но так меня брать отказались, сказали, что дураков собирать, которым пострелять охота, не их дело. Что теперь контракты заключают только с сотрудниками МВД. Тогда я спросил

про медиков. Узнав, что я с последнего курса, опять удивились, проверяли, звонили, молчали, я ждал... потом позвали и сказали, что берут фельдшером, а «там посмотрим»...

Вот я и вместе с другими прошёл к крытым брезентом машинам с красными крестами. В то время как остальных посадили в БМП, другие по БТрам рассаживались.

Южная жара разбирала нас уже с этой ночи в поезде. Но только когда мы вышли из поезда, почувствовали в полной мере жар земли, воздуха, всё здесь напоено не нашими Н-скими или московскими скуповатыми сырыми запахами, свежей травы, птиц и прели, шуршанием листвы и холодных стоялых луж, но пряными, толстыми ароматами южных трав, тёплой жирной земли, здесь, на станции, приправленными дёгтем, горячим железом и деревом.

В открытый задний полог машины мы видели, куда едем. Здесь были ещё обычные деревни, вернее станицы, с пирамидальными крышами, палисадниками, верандами, оплетёнными виноградом, с курами, гусями, собаками и кошками, бегающими по дворам и улицам.

Дети гоняли по улицам. Женщины, мужчины. Обычные люди, обычная, будничная жизнь южных селений...

Но к вечеру пейзаж стал меняться. Мы начали погружаться в мир мёртвой выжженной тишины, беспорядка, пепелищ, и чем дальше мы ехали, тем больше появлялось признаков прифронтовой зоны: раскуроченных машин, потом БТРы и танки, воронки от бомб... трупы...

Девушка, что сидела со мной рядом на скамейке, улыбнулась мне:

– Ты не бойся, красавчик, по медикам стреляют редко.

Я посмотрел на неё, милостивая маленькая блондинка, улыбается так приветливо.

– А ты не в первый раз что ли? – удивился я, глядя на неё.

– В третий. Что дома сидеть? Тебя как зовут?

– Лё... Лёша.

– А я Юля, – она даже руку протянула мне для пожатия, всё так же мило улыбаясь.

Другая девушка, что сидела позади, толкнула её, шутя, в плечо:

– Хорош желторотиков оболыщать!

– Тебе завидно, что ли? – засмеялась Юля. – Ты, Лёш, не слушай её, меня держись.

– Держись, держись, пока даёт, – захохотала её товарка.

Так, приправляясь грубыми шуточками, мы и доехали до госпиталя уже в темноте. Только утром я узнал, что мы, оказывается, в Грозном. А ещё этой ночью, Юля, не откладывая в долгий ящик, пришла ко мне. Я уже почти уснул, утомлённый дорогой, постепенно переставая слышать богатырский храп моих товарищей... Улыбнувшись, она потянула меня за руку и увела из здания на улицу, и здесь, в темноте у стены, на лавках, сколоченных из грубо отёсанных досок, деловито и тихо отдалась мне.

Господи... я не знаю, кто ты, Юля, но я был не с тобой... В этой темноте я даже не разглядел тебя, а поспешность произошедшего, лишила меня возможности почувствовать что-то, кроме возбуждения и разрядки, последовавшей слишком скоро... И это было как когда-то в юности, когда я не знал ещё Лёлиных ласк, когда сны и оргазмы настигали меня, оставляя опустошённым и униженным. Так и теперь, моя подруга сбегала раньше, чем я успел сказать или сделать что-либо, будто получила, что хотела, и больше во мне не нуждалась... я застегнулся и сел снова на эту скамью, кто-то из темноты спросил:

– Закуришь?

Боже, кто-то ещё и видел нас...

Как далеко всё это от того, к чему я привык...

Я кивнул, плохо видный в черноте южной ночи, человек протянул мне пачку сигарет и спички.

– Привыкай, брат... Здесь женщин мало, они правят бал, берут, а не дают. Радуйся, что хотя бы так. Тебя выбрала сегодня...

– Сегодня? – проговорил я, чуть поперхнувшись непривычным мне сигаретным дымом.

– А ты что на роман на всю жизнь наметился? – он засмеялся сипло. – Ничё, всё поймёшь в три дня тут...

Этим мои ночным другом оказался старшина нашей медслужбы Веснухин Михаил Степанович. Он, уже пятидесяти лет от роду, приехал служить сюда, после того как полтора года назад погиб под Ачхой-Мартаном его сын, жена, от этой вести умерла от инсульта в четыре дня...

Ко всем нам он относился как к сыновьям, мы так и звали его – Батя. Кроме меня здесь, в госпитале был ещё один молодой, но по-настоящему опытный военврач, поначалу он поручал мне только лёгкие раны, швы, перевязки, как любому фельдшеру, и учил, каждый день учил оперировать. Оперировать в полевых условиях, оперировать быстро, не рассчитывая на ассистентов...

«Боевое крещение» случилось как-то внезапно, удивило и ошарашило. Как ни странно, все эти недели, что прошли в подготовке, я совсем не думал о том, что будет здесь. Ни об оружии, ни о ночных обстрелах, внезапных автоматных очередях растрескивающих воздух, или, бухающих земляными вздохами, взрывах.

Всё это накатило вдруг на мой слух, ворвалось в мои глаза, в мой ум, в моё сердце. Неожиданно и пугающе. Чего я ждал, когда ехал сюда? Когда готовился в Москве? Когда мои волосы падали неожиданно светлыми шелковистыми локонами мне под ноги под жужжание машинки, больно цеплявшейся за них и быстро и ловко, хотя и небрежно, пробегавшей по моей голове. Вероятно, так себя чувствуют овцы, когда ими занимаются стригали.

О чём я думал всё это время? Чего ждал?

Не о войне. Ни о Чечне, ни о Грозном, ни о смерти.

Конечно, я думал о Лёле. Не позволял. Гнал от себя. Изгонял усилием воли её лицо из своего сознания, её имя, все буквы и звуки, составляющие его, я выжигал каждую минуту из себя, чтобы забыть и не помнить. Все силы я тратил только на это. Когда мне было подумать о том, куда я приехал и для чего...

Девушек здесь было всего три, двух других звали Таня и Света, они все были «геройскими девчонками», что было правдой, потому что, когда бой приблизился к нам, они вытаскивали из-под огня раненых на себе, совсем так, как я читал или видел в кино о Великой Отечественной... Надо же, а я думал, что такое могло быть только на той геройской войне. Но не война делает людей героями. Это люди-герои пишут великую историю великих войн. Вот и мы писали тут. Эти девушки в первую голову...

И все три поймали меня, когда захотели, так же, не разбираясь с моими желаниями, не ведя лишних разговоров, не утруждаясь ласками и даже поцелуями. У меня в жизни такого опыта не было, и теперь я понимал, что я приобрел, а не терял, не имея его...

Заметив у меня на пальце обручальное кольцо, снять которое я так и не смог себя заставить, одна из них, Таня, спросила с усмешкой:

– Что ж тебя жена-то отпустила, денег ей, стерве, мало?

Я посмотрел на неё, не сразу понимая, о чём разговор, но она ответила сама себе:

– Я бы своего никогда не отпустила бы.

– А ты замужем что ли? – изумился я.

– А то, как же! – захохотала она, показывая коронку на заднем зубе. – И ребёнок есть.

Что она делает тут? Что Юля делает тут? Почему эти женщины пришли воевать, почему они так ведут себя с нами, я не вопрошал, поняв скоро, что вот это всё, всё, что нас окружало здесь, к чему мы привыкли за полторы недели, подстёгивает страх. Жажда жить выливающаяся вот в такие формы... Кое-кто подкалывал и промедол себе... Я видел, но и это уже не поражало меня... И гашиш покуривали. Но я по-прежнему не курил даже сигарет. Мне дурман не нужен. Меня не снедал страх.

Солнце палило нещадно, удивительно, короткий бой завершился только что и сразу же появились звуки обычной жизни: жужжит толстая муха – «бомбардировщик», ударяясь в стекло, и не видит, безмозглая, что рядом открыта ставня.

Таня махнула на неё полотенцем:

– У-у, бестолковый бомбовоз, лети отсюда! – вытолкнула её в открытое окно, муха исчезла.

Только что, рядом, за соседним домом что-то рвалось по-настоящему... При наступившем относительно затишье мы пошли посмотреть, нет ли раненых... Это стало первым, что было по-настоящему душераздирающе, когда мы со стрелками нашли с нескольких десятков метров от госпиталя горящий танк, где слышали крики людей, горящего заживо экипажа...

Мы бросились к машине, подбитой в основание башни справа по ходу, башня была свёрнута набок... Но броня у люков раскалилась, и покосила их, мы не могли открыть... Только через несколько бесконечно долгих секунд крики прекратились... Подошли ещё бойцы из десантной роты, что шла в центр города и только вместе с ними мы потушили погибшую машину. Кто-то притащил кувалду. Из окрестных разрушенных домов что-ли?

– Да нет, Лёх, кувалда у танка своя... – хрипло ответил кто-то...

Мы в каком-то исступлённом отчаянии колотили по запаянным жаром люкам, кое-как открыли... Чудовищным запахом жареной плоти обдало нас и дымом... Мы отшатнулись как по команде... А потом, как одержимые, не обращая внимания на участвовавшие автоматные очереди, звук которых становился всё ближе, мы кое-как достали дымящиеся чёрные тела четверых ребят...

Я видел в судебном морге сожжённые трупы. Но то были по сравнению с этими, сегодняшними, будто учебные пособия, оказывается мало тронувшие тогда меня, это Лёлька не могла заснуть в ту ночь... Я не спал в эту...

Это была первая, но не последняя могила, которую мы выкопали здесь...

Эти четверо парней, которых я никогда не видел живыми, врезались мне в память, в моё сердце. Я стойкий, оказывается, был парень до всего этого, удивлялся Лёлиной всегдашней чувствительности, как долго она не забывала тяжёлых больных, страшные случаи, что мы проходили, я проходил, она цеплялась за каждый...

И опять я не могу не вспоминать о Лёле, даже здесь, с каждым днём всё больше. И каждое моё соитие со здешними девушками ещё больше заставляло меня вспоминать Лёлю и то, какая она, как было это с ней...

И тем больше я негодовал и злился, что меня исторгли из рая, вытеснили сюда, в этот ад. Ад обыкновенной войны. И обыкновенной жизни. Потому что до сих пор я жил необыкновенно. Да, до сих пор, с Лёлей, я жил в раю. Я это осознавал и раньше, но так остро и больно, и больнее с каждым днём, я начал чувствовать только теперь здесь и, особенно, сходясь со всеми этими чужими бесчувственными в отношении меня женщинами...

Огонь из автоматов и пулемётов вёлся постоянно, я перестал замечать его почти сразу, как не слышишь привычный шум поезда, в котором едешь, или дождя, льющего на крышу. Только, когда он стал нарастать и приближаться, мы поняли, что мы в эпицентре боя, он не приблизился к городу, весь город стал полем боя.

Это было странно, здесь все были убеждены, что город полон военных, полон офицеров и нас, контрактников, что никакого боя, тем более штурма быть не может. Но в первых числах августа началось то, что потом и назовут штурмом Грозного...

... – Кирилл, ты... ты просишь о том, чего не может быть. Чего я не могу, не должна тебе дать.

– Лёля... Почему ты хочешь бросить меня теперь? Ты хочешь наказать меня? Тебе кажется, я мало наказан?

Я села, опять облокотившись о спинку скамьи.

– Просто живи со мной под одной крышей хотя бы... – в который раз попросил Кирилл.

– И будем лицемерить? Изображать друг перед другом раскаявшихся грешников? Или что?! Как ты себе представляешь это? И зачем? Я не могу, Кирилл, разве ты не понимаешь?

– Ты совсем меня не любишь?

Что я могу ответить на этот вопрос? Как я могу ответить «не люблю»? Как я могу сказать это человеку с Лениным лицом...

Что я вообще могу ответить?..

Я не ответила. Я переселилась обратно в общежитие. Мила с Серёжкой сняли квартиру, и комната, в которой мы когда-то жили с Лёней такой скудной и такой счастливой жизнью,

вновь была в моём распоряжении. Правда блок оставался мужским, но в комнате на двоих так и обитали безобидные вьетнамцы.

Опять отсутствие горячей воды, хождение пешком на шестнадцатый этаж, но здесь, в этих стенах, на этой «олимпийской» кровати, на стульях, что мы когда-то ещё в серой упаковочной бумаге, обвязанные шпагатом, несли сюда, в этом маленьком телевизорике, здесь сохранялся отпечаток Лёни, нашей с ним жизни, нас с ним. И мне было невыносимо больно каждый день, каждую минуту, каждую ночь. Я считала дни, ожидая окончания трёх месяцев...

Кирилл каждый день приезжал в роддом, где я работала теперь через день, а с началом учебного года стану работать ночь через три, как когда-то Лёня. Кирилл приезжает и в общежитие по утрам, чтобы отвезти меня на работу. Кирилл каждый день уговаривает меня быть с ним, хотя бы просто вернуться в квартиру, просто делить с ним кров. Он приходит и сюда, он обнимает меня, это всё, что я могу позволить себе и ему.

Это то, чего я хочу сама. Хочу ощущать его тепло, его близость, его присутствие. Он как матрица Лёни. Наверное, если бы не было его, я вообще не выдержала бы этой новой реальности.

Сегодня суббота, Кирилл приехал рано, застав меня только что из душа.

– Что тебя принесло в такую рань, ты же по выходным не встаёшь раньше девяти-десяти, – удивилась я его раннему появлению.

– Поедем в Серебряный бор, искупаемся?

– У меня купальника нет.

Он засмеялся.

– Чего ты?

– Я знал, что ты это скажешь. И что купальника у тебя нет. Я купил тебе купальник, Лёля.

– Всё про меня знаешь, да?

– Конечно, – самодовольно улыбнулся Кирилл.

Мы поехали в Серебряный бор, по дороге он оживлённо рассказывал, что было на днях у него на кафедре, как поссорились два аспиранта из-за темы. Один пригрозил уехать в Канаду, если ему не дадут темы...

– Почему тебя это смешит? – удивилась я. – Учился бесплатно здесь, а теперь поедет в Канаду, где и диплом-то его не признают...

– Не воспринимай всё так серьёзно. Куда он поедет, кому он там, к чёрту, нужен, в той Канаде.

– Так он и тут никому не нужен, вот и...

– Это от внутренней пустоты, – уже не смеясь, серьёзно сказал Кирилл, – ты же не думаешь, что не нужна никому.

Я посмотрела на него. Это было бы глупым кокетством говорить, что я не нужна никому... Да и в работе я вовсе не чувствую себя ненужной. Напротив, я знаю, что полезна, хотя не умею ещё ничего, но я научусь... И я хочу помогать и помогаю.

– Знаешь, что я услышал на днях, хождение имеют кассеты с записью Алёшки с его ребятами. Их «Лютер».

– Кассета? – вот это да! Было чему удивиться. «Лютер» на кассетах...

– Да, представь! Не студийная, довольно дрянного качества, но слушать всё же можно.

Неужели, это та, что они с ребятами записывали не всерьёз в «гараже». Кто ж распространил? Юрка, должно быть... И не спросишь, они на сборах сейчас с Серёгой...

– Они талантливые ребята. Особенно наш. Людям нравится. Я видел, как вашим ребятам нравится в институте, когда на втором курсе вы играли в КВН.

– Ты видел?! Ты был тогда? – удивилась я. – Я только дядю Валеру помню в тот день.

«Дядю Валеру», мне впору начать ревновать, тем более что «дядя» этот моложе меня...

– Я был тогда, – сказал я. – Я много когда был, а ты даже не подозревала, что я рядом. Я бегал за тобой с первой встречи, Лёля.

Она взглянула коротко, мне показалось, искорка мелькнула в её глазах, но всего на миг, на один только миг. Она опустила глаза, поморщившись как от боли:

– Не надо Кирилл, не начинай снова, я прошу тебя, – сказала Лёля тихо.

Я умолк. Хотя это стоит мне труда, замолчать и не говорить об этом. Я каждый день осаждаю её, но я не приблизился и на шаг к цели. И как мне удалось когда-то обольстить её? Теперь, когда Алёшки не было рядом с ней, она, как жемчужница, захлопнула створки раковины и её теперь не достать оттуда. При этом не отвергает моего присутствия, привыкла, должно быть, за последние несколько лет, даже объятий моих не отвергает. Даже желает их, я чувствую, что ей приятны мои прикосновения и то, что я рядом.

Я не видел раньше Лёлю в воде. В одно то, как она плавает, можно влюбиться. Так уверенно как в воде, она не чувствует себя даже на земле. Вода полностью её стихия и это река, а она говорит, что не любит реки...

– Почему? – спросил я.

– Смотреть люблю, как все. Но плавать люблю только в море.

– Кто учил тебя плавать? Ты занималась?

– Нет, я танцами занималась, – усмехнулась она.

Ах, танцами... хотя и это не объясняет, откуда в ней эта чувственная грация и прелесть движений, даже Юля, её мать, не обладает ими, при всей своей красоте. Я не могу не получать удовольствия от лицезрения её прикрытого купальником тела, этих изящных плавных линий, тонкой кожи, к которой прилипла травинка на животе... Я протянул руку, пальцами коснулся её, снимая травинку, Лёлин живот вздрогнул как струна...

– Ты что?!.. – почти испугавшись, спросила она, повернув голову ко мне, и краснея...

И всё же я волную её, всё же возбуждаю, всё же всё, что происходило между нами теми украденными ночами, не привиделось мне...

Я увидела, как вспыхнул его взгляд в ответ на моё волнение от его прикосновения. И испугалась. Нет-нет! Нет! Больше я не смогу, не вынесу этого... Кирилл!..

Я понял без слов. Казнится и хочет продолжать казниться. Пока Алёшка не вернётся, ничего мне не светит... И как ни тяжело мне это сделать, я убираю ладонь от её живота.

Глава 3. Красный крест

Мы верили, что нам, под защитой красных крестов, не угрожает опасность. Странно, что в это все верили, все, кто уже не в первый раз, кто с самого начала, с декабря 1994-го года были здесь...

Мы все верили в это после Будённовска, после Кизляра, после взрывов в метро. Почему продолжали верить?! Почему?!..

В это верили не только мы, медики, но и бойцы, те, кто бежали из окрестных разбитых позиций, кто после того как разбили их блокпосты. И собралось в нашем госпитале скоро пятьдесят шесть человек бойцов, не считая раненых.

Тяжёлых не было в первый день, всех отправили раньше в войсковые госпитали, здесь оставались только те, кто или не дождался отправки или просто легкораненые, чьё выздоровление исчислялось днями.

Три наши девушки подбадривали всех уже одним своим присутствием. Связь была первые дни нормальная. И вообще мы не понимали и не верили долго, что боевики могут пойти на город, полный военных. Не просто военных, но офицеров, генералов, да и журналистов было полно, неужели их не эвакуировали бы, если бы предполагали штурм...

Не знаю, как это было и почему, и кто проворонил это наступление, но с первых чисел августа с каждым днём положение в городе меняется.

Мы ощутили это по всё учащавшимся вокруг нас автоматным очередям. Вначале всё шло как всегда, только всё ближе к нашему зданию, тоже полуразбитому, без единого целого окна, но с вполне надёжными стенами, крышей и подвалом. А потом вместо автоматных очередей и отдельных выстрелов, как раньше, появились залпы орудий посерьёзнее: «градов», миномётов, взрывы тяжёлых снарядов, оглушительный грохот и сотрясения земли, ходуном ходившей от взрывов. Дома вокруг нас рушились, засыпая обильной серой пылью, дожди размывали это всё с чёрной землёй в липкую жирную жижу...

Против чего, против кого воюют чеченцы, думал я, пока не спал ночами. Я думал об этом, когда только началась эта война полтора года назад. И я понял, вот в эти дни и понял. Они не воевали против русских, хотя казалось именно так, они свою свободную Ичкерия против всё возраставшего в стране скотства подняли ещё в конце Советского Союза. Это я, мы с Лёлей и всё, кто с нами рядом думали, что началось всё в декабре 1994 года, на Новый 1995 год. Но это мы увидели это тогда. А Дудаев был намного раньше, и Ичкерия тоже. «Не видели» это те, кто не хотел видеть. Мы всей страной шли и идём туда, куда чеченцы идти не захотели... Во что превращалась Россия ещё до того как стала Россией без пятнадцати своих сестёр... уже столько лет... Только этой весной новый министр иностранных дел впервые за много лет перестал пресмыкаться и заискивать перед всем миром, особенно Западом, как это делал прежний, что изо всех сил старался понравиться. Меня коробило и выворачивало каждое его выступление, как Лёлю «Горби»... Мы говорили с ней об этом много раз, и она неизменно с отвращением высказывалась о том, о чём я думал. Что бы она сказала теперь о моих теперешних мыслях об этой войне?

– Сыграй, Лёша, что-то тоскливо, – попросила Юля вечером пятого августа.

Я взял гитару и перебрал струны. Моя гитара, как моя прежняя жизнь, её свидетельница... я пою, будто возвращаясь туда, в Н-ск, в московское тёмное и холодное общежитие... В нашу комнату, где мы были только вдвоём... Что же я не смог сохранить ничего? Почему я потерял всё? Или ничего не было? Почему ты разлюбила меня, Лёля?!

Или и не любила? Или я обманывался, свою любовь, что заполняла меня до пределов, сверх предела, принимал за ответную?.. Не может этого быть... Я не мог бы быть так счастлив,

если бы не любила. Я каждый миг чувствовал её любовь. До того самого дня, до утра 12-го июня... Как это могло быть? Или я так глуп и так слеп, что не видел ничего? Так ослеплён?

Но почему и когда она пришла с гитарой провожать меня, нашла и пришла увидеть меня, почему я сразу почувствовал, что она здесь и смотрит на меня? Вот с этими здешними женщинами я занимаюсь сексом, но я не чувствую их толком даже в эти минуты...

Но если Лёля не разлюбила меня, тогда что произошло? Этого я не понимаю. Этого я никогда не смогу понять, потому что не представляю, что она может быть с кем-то без любви...

Но если она любит и его? Что это за раздвоение? Что это такое? Что ты за человек тогда Лёля?!..

– Ты – Лютер?! – неожиданно изумлённо спрашивает меня один из бойцов, едва я закончил очередную песню и прерывая мои мучительные размышления.

Я посмотрел на него с не меньшим удивлением, откуда кто-то может знать моё прозвище:

– Ты откуда знаешь?

Тогда он восхищённо всплеснул руками:

– Охренеть, ребята! У меня кассета есть с его песнями! Только плеер не работает... Ребят, вы знаете, кто он... вообще, охренеть! Это Лютер, они подпольные музыканты, классную музыку пишут! – восторженно проговорил он, блестя глазами на чумазом лице под чёрной замурзанной банданой.

– Так это твои сочинения?!

Все оживились:

– Иди ты!

– Тебя-то что занесло сюда в эту ж***?!

И смотрят на меня, будто видят впервые.

– Как в фильме скажу вам, – чувствуя себя пафосным придурком, я всё же договорил: – Родину защищать.

Ребята и девушки оглядываются друг на друга и смотрят на меня опять:

– Ты не стебёшься сейчас?

– И песни, правда, твои?

– Мои. Но мы шутки ради записали ту кассету, – я пытаюсь побороть смущение. – Не понимаю, как она попала к тебе.

– Да купил я. Так и называется «Лютер», внутри буклетик, там пара слов о вас троих, что вы не стремитесь к славе, ла-ла... да я покажу щас!

Он побежал внутрь, а Юля подседа ко мне с заинтересованным взглядом:

– Так ты знаменитость? Круто... – играя, проговорила она.

Вторая моя подружка, Света, обняла меня с другой стороны.

– Отстань от него, Юлька...

Мужики захохотали:

– Ну, теперь отбоя не будет!

Тем временем прибежал с кассетой давешний парень. И правда кассета, как он и рассказал, кто же это сподобился распространить? Юрка, что ли? И не сказал ничего...

Я почувствовал себя как во времена школьной славы или во время успехов на институтских концертах... Только теперь этого не видит Лёля... Чёрт, неужели я никогда не перестану о ней думать?.. Меня ещё долго расспрашивали, подшучивали, подкалывали мои товарищи, говорили, что никогда бы не подумали, что встретятся со знаменитостью да ещё здесь...

– Да вы что, ребят, какая я знаменитость, перестаньте!..

Впрочем, они развлекали этими шутками больше себя. Я быстро понял это и перестал обращать внимание.

Ещё просили спеть, и я пел, так что едва не сорвал голос, и осип к ночи окончательно.

А наутро бои вошли в город со всех сторон. На нашей улице долго ничего не происходило и мы через три дня помогали жителям выходить из города по специально организованным «коридорам». Я удивился в который раз, что в этом разрушенном городе оказалось столько людей: женщин, детей, стариков, да и мужчин. Вот только, почему эти мужчины «мирные» мне было невдомёк, в моём понимании, если в твоём городе бои, мужчина не может оставаться мирным. Ты автоматически воин. Тем более чеченцы, они воины от рождения все как все кавказцы... немного позже я понял, что эти «мирные» люди, даже женщины, вовсе не мирны...

Стрельба приблизилась к нам вплотную. И уже все мы не медсанчасть, а боевое подразделение.

Двенадцатого августа погибла Юля, вытаскивавшая из-под огня раненого бойца, я не видел как её убили, ребята видели, что её «снял» снайпер и с ней вместе и того раненого, которого она тащила.

Я увидел только её труп. И то только к ночи, когда по темноте ребята принесли его под наши защищённые мощным бетонным забором стены...

Так и не узнанная мною толком, не понятая. Я смотрел на её закинутое к потемневшему уже небу лицо, уже изменённое смертью и думал, что это первый близкий мне человек, кого я вижу мёртвым.

Но близкий ли? То, что происходило несколько раз между нами... не знаю, заставляло ли это её чувствовать ко мне хоть что-нибудь. Я сейчас ощущал только жалость. Я не хотел бы быть с ней, даже будь она жива. Мне было жаль её потерянной жизни, её молодости, даже мужа, который не дождётся её...

Мы похоронили её в дальнем углу двора, и вскоре там у нас образовалось небольшое кладбище.

Погиб и тот парень, что слушал нашу кассету...

А на пятый день нас осталось тридцать из пятидесяти шести. Оружие у нас было, припасы имелись тоже, но бой не прекращался почти целый день. Осколки от бетонной стены посекали мне щёку, в остальном я был невредим, в отличие от большинства моих товарищей, которые все были ранены, кто легче, кто тяжелее. Но, главное, погиб доктор, мой наставник и учитель здесь, Андрей Андреевич, ему было всего тридцать пять...

Теперь главным и единственным доктором был я. Меня пытались беречь, прикрывать собой.

– Ребят, я один тут останусь? Вы не дурите, дайте мне позицию, я встану с вами.

– Здесь госпиталь, санчасть, ты поберётся бы, Лютер, – неизменно говорили они.

– Какая санчасть!? Даже флаг наш с красным крестом давно сбили. Мы все бойцы, что я вам девчонка, что ли?

В конце-концов, через полтора дня я уже воевал наравне со всеми.

Нас обстреляли из гранатомётов, снеся напрочь второй этаж, вместе с десятком наших ребят. Едва стихли проклятые залпы, начала оседать пыль, мы бросились наверх по уцелевшим ступенькам... нет... здесь ничего уже не было, не было даже тел, их разнесло в пыль и мелкие ошмётки, которые не собрать, если только просеивать через сито, вместе с камнями стен...

На ночь мы спускались в подвал. Связиста нашего тоже убило, но капитан Шеламов, что взял командование, как старший по званию и вообще единственный теперь среди нас офицер, он поддерживал связь с командованием. Но в разговор вклинивались боевики «чехи», как называли чеченцев, хотя среди них, бандитов, много было совсем и не чеченцев. Как и среди нашего всё уменьшавшегося гарнизона были и лезгины, и кабардинцы. В жизни не разобрался бы, да и не надумал бы спросить, но они рассказали сами.

Так вот, «чехи» всё время заунывно и с сильным акцентом, что уже заставляло подозревать в них не чеченцев, настаивали, уговаривали, чтобы мы сдались и вышли из здания, окружённого ими.

Двоих тяжелораненых пришлось оперировать под огнём, под падающими с потолка в подвале пылью и кусочками цемента на содрогающемся от взрывов столе. Девушки теперь не выходили отсюда, помогали мне в операциях и теперь ухаживали за ранеными.

Если раненые и выживут – львиная доля заслужена девчонками.

Один был ранен в бедро, и из повреждённой артерии кровь хлестала фонтаном, у меня были считанные секунды на то, чтобы остановить кровь, ушить сосуд... я стал как робот и сделал всё меньше чем за минуту.

Второго ранило в шею. Это было ещё хуже... Но я будто бы нарочно по ночам повторял анатомическую зубрёжку в своей голове, я помнил все мышцы и сосуды шеи так, что мог оперировать на ощупь, не глядя...

Оба парня живы и начали веселеть день ото дня.

Но бой вокруг нас становился всё гуще. Мы как в Брестской крепости были здесь, мы мешали боевикам тем, что постоянно расстреливали их тылы...

Капитана убило пятнадцатого. Снайпер пристрелял восточную часть нашего двора, уже обнажившегося после обстрела гранатомётами...

Мы не могли забрать тело капитана, превращённое в кровавое решето, быстро чернеющее на солнце, до ночи... мухи кружили над ним роем, мухи не боятся пуль и осколков...

– Лютер, спой. Может подышать завтра, так с музыкой, оно веселее...

– Баста, карапузики! Кончились танцы! – засмеялись все, вспомнив любимый нами в детстве музыкальный мультфильм про Волка и семерых козлят-рокеров. – Помирать так с музыкой! Запевайте, братцы!

И я пою. А мои товарищи, давно не бритые толком, не мытые, но не голодные хотя бы, подпевают мне...

Коля из Ленинграда, то есть Петербурга, конечно, очень ритмично «играет» за барабаны, по картонной коробке, откуда мы вынули сегодня тушёнку, и пустым мискам. И мне кажется, что звучим мы сегодня лучше, чем в самые лучшие времена и на «Гибсонах» и «Таме»...

Назавтра к нам прибежала большущая пыльная собаченция. Откуда она взялась, как осталась жива, было непонятно, но на третий день успокоенная и сытая она неожиданно ощенчилась четырьмя щенками...

Девчонки хохотали:

– В госпиталь же бежала, бабёнка наша... – и ласково трепали здоровенную рыжеватую псину за кривыми ушами, от чего от её пахучей шкуры в нашем подвале прибавлялось пыли и вони.

А Батя вылавливал для Волны кусочки тушёнки из своей миски и кормил с руки, а она облизывала его заскорузлые пальцы, далеко высовывая язык, блестящий и розовый.

Мы устроили собачью семью в одной из коробок, дав всем имена. Мамашу звали теперь Вольна, одного из щенков, Порох, второго Пуля, третьего Град, а четвёртого Динамит. Кто из них какого был пола, мы не разбирались.

Нашего старшину Батю убили утром шестнадцатого августа. Рядом разорвался снаряд, снеся и изрядную часть угла нашего здания. Батю взрывом отбросило почти на десять метров и мы, стреляя из всех окон, превратив их в узкие бойницы, заложив смотанными матрасами и подушками, целый день смотрели на развороченное взрывом тело Бати, вначале ярко-красное от крови, потом всё более темнеющее, всё больше мух кружилось над ним... а потом нас накрыло огнём и тело Бати завалило осколками, похоронив под собой...

До тех пор пока нам не заглушили связь, мы просили подмоги, говорили, что у нас раненые, женщины, нам отвечали: «Держитесь, помощь близко»...

Мы держались. Но когда связь перестала работать, мы поняли, что помощь к нам не придёт, потому что теперь будут считать, что мы все погибли...

Нас осталось восемь: Коля Маслов из Питера, Генка Варварин из Твери, Сашка Глушко из Ярославля, Света и Таня из Калуги. И двое тяжелораненых, один из Омска Славка Волков, другой Мишка Николенко, которые, впрочем, на пятый день встали и, тоже устроившись у бойниц, воевали как все.

Теперь мы воюем деловито и спокойно, бьём «без нерва», выискивая, откуда ведётся огонь по нам, и лупим прямо туда...

– Ты похудела очень, Лёля, совсем не ешь, – сказал Кирилл.

– Надо же, разглядел, – хмыкнула я. – Ем я, не волнуйся.

Утро и он везёт меня на работу. Я благодарна ему. За то, что не оставляет меня одну сейчас. Те недели, что я была одна, пока искала Лёню, я спустилась в глубины ада. Моего собственного... но то ли ещё будет...

То, что я виновата, я знала всегда, ещё до того как всё началось между нами с Кириллом, с того самого дня как я впервые почувствовала волнение в его присутствии, тогда, летом, в Н-ске...

Что я чудовище ничем не достойное Лёни, я тоже знала. Но как мне теперь было существовать, когда он оторвался от моей жизни, унёс с собой всё, всё, что я чувствовала, чего хотела, о чём мечтала. Всё моё будущее, которого я никогда не мыслила без него.

Теперь мне не оставалось ничего. Он не простит меня, то, что я сделала, нельзя простить, ничем нельзя оправдать, объяснить, понять. Я и сама не понимала. И будь Лёня рядом, не знай, он ничего, всё продолжалось бы...

Но не теперь. Я могла любить Кирилла, пока Лёня был рядом... Будто это не два человека, а один, но в разных ипостасях. Один идеальный, а другой обыкновенный, грешный, со всеми глупостями и низостями, присущими всем людям, всем, кроме Лёни...

В середине августа в Москву нагрязнул дядя Валера. Он приехал ко мне, хотя и сказал, что проездом, но это точно было не так, он не спешил никуда, он провёл со мной много часов, весь день. Это был будний день, мы сходили в Зону, как мы звали Тропарёвскую Зону отдыха, прогуляться, он рассказывал о маме, о Ромашке, о бабушке и расспрашивал о Лёне, всё больше хмурясь, глядя на меня. Сам он теперь с друзьями организовал артель по производству мебели.

– Не знаю, что выйдет из этого, Лёля, я конструирую в зависимости от пожеланий заказчика, потом с мастерами... словом, тебе не интересно будет, но пока заказы есть вроде и неплохо...

– Бандиты не достают?

Он посмотрел на меня:

– Бандиты начали в кресла депутатов пересаживаться... – хмуро произнёс он. – Но... С другой стороны, не платить хотя бы дважды...

Мы пообедали, купив в «Лейпциге», до которого дошли через Зону напрямик, разнообразных вкусов: чудесной колбасы, копчёной осетрины, сыра и даже вина. Я и кофе сварила на плитке в нашей маленькой турке, Лёня никогда не любил, я варила для себя.

– Лель, где Лёня? – спросил, наконец, дядя Валера, пока я убирала посуду.

Я посмотрела на него... если бы я не сделала этого, я смогла бы не сказать... но своими глазами он тут же проник мне в самое сердце и я заплакала...

Всё, ноги не удержали, я села на постель, дядя Валера рядом со мной, обняв мои затрясшиеся плечи.

Я впервые заплакала с того дня, как всё разрушилось, и поэтому поток моих слёз был неукротим...

– Так и знал... чёрт... – пробормотал Дядя Валера, обнимая меня, ревушую в голос. Я чувствую, как намочила ему рубашку на плече... Он не на сборах? Где он?

Но я не могла произнести ни слова.

– Из-за чего поссорились хотя бы? – он отводит мои волосы, сияясь заглянуть в лицо.

– Мы не поссорились... Я... Лёня в Чечню уехал... воевать... – я пролепетала, подняв глаза на него.

– Почему?.. Сам? Или?.. Почему он поехал?.. – недоумение сделало его лицо даже бледным. – Подожди... Я не понимаю, как его могли взять?!

– Он сам! Он сам! Сам! – вскричала я в отчаянии. Надо всё сказать ему, пусть знает, до чего довела Лёню его милая «Лула-Мэй»... – Из-за меня! От меня! Я...

– Что сделала-то?.. Вы же... О, Боже... – дядя Валера побледнел ещё больше, обмер даже, понимая, наконец... сразу оценив масштабы моего преступления... и ничего не стал расспрашивать больше.

Я приехал, чтобы отвезти Лёлю на дежурство, я делал так всё время, я каждый день должен был видеть её, и я чувствовал, что это нужно и ей, чтобы я появлялся ежедневно. Я отвозил её на дежурства, я встречал её по утрам, отвозил домой, в общагу, опаздывая на работу, вызывая уже недоумение и гнев моей заместительницы, ведь за все годы за мной такое не водилось. В дни, когда Лёля свободна, я стараюсь освободиться пораньше, чтобы провести вечер с ней вдвоём, что тоже приводит Галину Мироновну в сердитое расположение.

Вот и сегодня, по обыкновению, я приехал сюда, поднялся сегодня на лифте, его включили неделю назад, но я и так не замечал подъёма по этой узкой, бесконечной лестнице, по которой навстречу спускались молодые, а иногда и не очень молодые люди в тапках и домашней одежде, с кастрюлями нередко...

Дверь была не заперта, Лёля оставляла открытой, когда знала, что я вот-вот приду. Я не застал её в комнате, зато застал «дядю Валеру»... Он обернулся от окна, у которого стоял, глядя на Москву, как на ладони лежащую перед глазами. Увидев меня, кажется, не удивился, будто предполагал, поджидал даже:

– Добрый вечер, Кирилл Иванович, – сказал он, разворачиваясь и буравя меня острым взглядом, будто всё знает обо мне...

– Добрый вечер, кажется... Валерий? – я отлично помню его имя, как и его самого, но мне хотелось уязвить его тем, что я будто бы забыл...

– Валерий-Валерий, – его губы в злую дугу выгнулись гневом, верно, я Лёлин отчим. А ты – отец Лёни, – он перешёл на «ты», бледнея и сверкая глазами, как стальными стилетами.

– Именно так.

– Именно... – он прищурился с вызовом глядя на меня.

Неужели думаешь, я тебя боюсь, я в два раза больше тебя?!

– Что тебе надо, мужик?! – закипая, спросил я уже без обиняков, выпячивая грудь, чтобы он оценил, насколько я больше него.

Он спокойно и смотрит на меня и только во взгляде его горит пламя:

– Я – то мужик, а вот ты что делаешь?!.. Ты что делаешь?! – чеканя слова, отлетающие как металлические диски на каменный пол, произнёс он, нагло требуя, похоже, ответа от меня.

– Какого хрена тебе надо?! Ты указывать мне будешь?! – взорвался я, он ещё спрашивать будет! Да кто ты есть?!

По его лицу прошла нервом молния:

– Буду указывать, если у тебя крышу снесло! Я ещё тем летом понял, что у тебя на уме... Но как ты не остановился-то?!.. – его глаза голосуют меня вслед за словами. – Ты что к детям лезешь? Как ты мог между ними встать? Что, только «мои желания», совсем ничего святого нет? Хлюст московский, – последнее сказал, будто сплюнул.

– Да я Н-ский, как и ты! – выкрикнул я. Что, ещё провинциальную ненависть к москвичам будешь тут в ход пускать, тоже мне, Робин Гуд нравственности выискался!

– Хрена ты Н-ский, сволота столичная! – он скривился пренебрежительно. – Вали давай, пока Лёля не вышла, – я вижу, у него сжимаются кулаки. – И не приближайся больше!

Ну, уж этого я стерпеть не мог:

– Ты спятил, что ли, какого лешего ты распоряжаешься здесь?!

Я хотел схватить его за рубашку и вытолкать вон из Лёлиной комнаты, но он увернулся, перехватив мою руку, айкидошник хренов...

Когда я выключила воду в ванной, где смывала остатки слёз, я услышала грохот в моей комнате... И сразу догадалась, что происходит... Что же они дерутся-то все! Ведь всё переломают мне сейчас...

Всё оказалось ещё хуже: не только всё переломали, но и сами с окровавленными уже лицами, поднимались из противоположных углов, кровью капая на облезлый паркет, сейчас питаются в лысые досочки...

– Что ж вы делаете... – прошептала я, хватаясь за голову. – Хватит, остановитесь...

Я посмотрел на Лёлю, явные следы слёз на её прекрасном лице и разозлился ещё больше...

– Что тут, день исповедания грешников? – скривился я, он ещё и Лёлю достал, плакать заставил... Чёрт подери, глаз начинает заплывать...

– Я тебя приблю сейчас, грешник! – белый от злости орёт мой противник.

И мы бросились бы друг на друга снова, но Лёлин крик остановил нас:

– Дядя Валера!.. Кирилл! Остановитесь оба! Что вы творите!.. Кирилл уйди!.. уйди сейчас же!

Я смотрю на неё, но она не отвечает мне взглядом. Я понимаю, что надо уйти. Уйти, чёрт!.. Чёрт! Чёрт подери тебя, гад с прозрачными глазами! Хренов праведник!

Кирилл вышел, так и не встретив моего взгляда, хлопнув хлипкой дверью, и второй в коридор... Я растерянно огляделась по сторонам:

– Дядя Валера, что ж вы натворили... зачем вы... Господи, будто этим что-нибудь исправишь... ох... Ничего же не исправишь... Ничего... – я села на то, что было нашей отличной вечной «олимпийской» кроватью, а теперь осталась груда не очень симпатичных обломков с торчащими внутренностями толстых ДСП и матраса, свалившегося покрывала и белья. Хорошо, что на дежурство надо, а с этим потом буду разбираться...

Я посмотрела на дядю Валеру, он подошёл к зеркалу, уцелевшему чудом, видимо потому что было прибито к стене задней деревянной стороной. Он вытирает кровь с разбитой губы тылом ладони:

– Всё же и ему я раскрасил рожу изрядно, – самодовольно говорит он.

Я подошла к нему:

– Дайте посмотрю, – сказала я, коснувшись его плеч, он ростом с меня и ведь бросился же драться...

Он повернулся ко мне, пытается увидеть мои глаза:

– Надеюсь, ты не очень расстроилась, Лула-Мэй? – проговорил он.

– Не болтайте, – к счастью серьёзных ран у него не было. Ссадины на руках, на губе я намазала зелёной, даже холода взять не откуда, холодильник у Люськи... да и времени холод держать нет, мне пора на дежурство, поедет дядя Валера домой с раздутой рожей...

– Ну... теперь все решат, что я алкаш... Господи, что ж за жизнь, – он засмеялся, снова разглядывая себя в зеркале. – Помочь тебе убрать здесь всё?

– Некогда уже, мне на работу пора, не то опоздаю.

Он посмотрел на часы:

– Да и я, пожалуй, поеду. Но сначала провожу тебя, не против?

– Одеваюсь.

Мы вышли из общежития, заперев весь кавардак до завтра. К метро «Коньково» пошли пешком. Автобуса ждать будешь дольше... Солнце сияет как ни в чём, ни бывало, у Солнца всё хорошо, как всегда...

– Дядь Валер, не говорите дома... ну... В-общем... Ничего не говорите, ладно? Лёня... через три месяца вернётся, тогда...

Он посмотрел на меня, мне стыдно, что он понял всё. Перед ним особенно стыдно. Стать предательницей – одно, но другое, когда все узнают об этом, особенно те, чьё мнение важно для тебя...

– Не надо терзаться, Лёля, – вдруг говорит он, помолчав довольно продолжительное время. – Люди... совершают ошибки. Все люди. Нельзя прожить всю жизнь и ни разу не оступиться, не промокнуть под дождём, не промочить ноги в луже. Поэтому нас и изгнали из рая... не то, пребывали бы там до сих пор.

Я засмеялась, чувствуя, что снова подкатывают слёзы: ОН прощает меня?

– Тогда никакой истории не было бы! Для чего тогда Бог человека-то создал? Со скуки бы помер он от нас безгрешных в бесконечном существовании своём...

И дядя Валера засмеялся тоже, обняв меня за плечи:

– Ну, с юмором всё переживём, поди!

Я ничего не сказала. Если бы я оступилась... Если бы это была ошибка... Но я знала задолго до того, как всё произошло, к чему идёт. Всё чувствовала, но мне нравилось... Мне так это нравилось всё... Женское тщеславие хуже многих пороков, что заставляют мужчин совершать преступления.

Ты Кирилл отлупил, а надо было меня... А ты меня жалеешь, как к ребёнку относишься... Я совсем не жертва. Я такая же преступница... Даже хуже. Если бы я никогда не любила Лёню, я предала бы только его, а так... я предала и себя...

Мне пришлось не ехать на работу завтра, отменить намеченный учёный совет, всё из-за разбитого лица. Хороший знакомый открыл мне больничный с моими «травмами». Галина Мироновна позвонила сама:

– Что с тобой? Может приехать? Ты сроду больничных не брал, – в беспокойстве спросила она.

– Не надо приезжать, Галя, отлежусь и выйду. Простуда небольшая...

– Какая простуда?! Что ты врешь?! – воскликнула Галина, приглушая голос впрочем, с кафедры звонит. – Какая простуда тебя возьмёт! Что происходит?! Пьёшь, что ли?! Ты же непьющий...

– Всё, Галина Мироновна, – отрезал я, будет ещё допытываться, всегда считала себя вправе потому, что некогда мы переспали несколько раз, – я позвоню, как поправлюсь...

На моё лицо с утра смотреть было невозможно, но я почти и не смотрел на себя в зеркало, поехал встретить Лёлю с дежурства.

– Тебе идёт, – сказала она, намекая на мои ссадины, когда вышла из дверей роддома.

Я усмехнулся:

– Ну, так... Шрамы украшают мужчину. Злишься?

– На что?

– Что твой отчим застал меня у тебя?

– Он и так всё знал. Он приехал, уже всё знал, может не совсем твёрдо, но...

Знал, правда... Чёрт проникательный! И есть ему дело до всего! Сидел бы в Н-ске... И Юля ему досталась, и к Лёле ключик имеет!

Пока мы ехали до её общежития, она клевала носом – бессонная ночь. Я спросил, как дежурство. Она всегда рассказывала мне о работе. Я рассказывал ей. Я умею рассказать увле-

кательно и занятно. Тем более, в моей специальности трагедий не происходит почти никогда, случаи чаще забавные, чем печальные. Хотя случаются, конечно, и драмы.

Мы открыли двери в их общежитскую комнату. Вчера я не обратил внимания, во что она превратилась из-за нашей драки. Мне было не до этих мелочей. Но сегодня... Сегодня я обрадовался: жить здесь она не сможет.

Да... поначалу мы попытались разобрать сломанную кровать, но оказалось, что и матрас сломан, на нём было невозможно даже сидеть теперь. А вторая, что служила «диваном» и раньше была сломана, поэтому и «работала» диваном... и стол был покорёжен, целыми были только те самые когда-то новые стулья, на один из которых я и села в усталом изнеможении.

– Что же вы... натворили... Что вы вообще драться-то взяли? Взрослые дядьки... – с досадой проговорила я. Последнее моё убежище разгромили... что мне теперь на полу голом спать?...

– Ну, твоему дяде Валере особенно не за что меня любить-то...

Кирилл сел на второй стул, посмотрел на меня, наклонившись вперёд:

– Поедем домой, Лёля. Ты не можешь здесь остаться.

– Я не могу с тобой ехать.

– Лёля... Тебе некуда идти.

– Всегда есть куда идти, – упрямство выныривает снова.

– Это глупость, Лёля, – настаивал я. – Ты не пойдёшь со мной, потому что ты виноватой себя считаешь...

– Не надо, Кирилл, ничего не говори... Поедем к тебе, – устало согласилась она, поднимаясь с ужасного коричневого стула с железными ногами. Да всё тут было ужасное, хорошо, что разломали, не за что цепляться теперь... – Но... я вернусь сюда в ближайшие дни и... это не значит, что всё возобновляется, ты понимаешь?

Боже, спасибо! Как ты кстати появился, «дядя Валера»! Я в жизни бы её на Суцевский вал не заманил, если бы не ты и разгром, который мы вдвоём учинили в этой комнатухе...

Когда мы приехали домой, Лёля пошла в ванную, хотя всегда принимала душ на работе, я спросил, будет ли есть. Она отказалась.

Ничего не ест...

Когда она вышла из ванной, одетая в мой халат, который мог завернуться вокруг неё не то что два, но три раза, удивлённо посмотрела на меня:

– Ты не поехал на работу?

– С таким лицом лучше не показываться подчинённым и тем более начальству. Не находишь? – сказал я, – спать не будешь?

– Буду... Так устала, не могу даже спать или... Ох, Кирилл, какой это кошмар вернуться сюда...

С этими словами, она ушла в их с Алёшей комнату. Ничего, милая, всё проходит, и это пройдёт, главное, что ты не ненавидишь меня, что согласилась вернуться...

Глава 4. Ничего не останется, если

В подвале, где теперь мы только и можем укрываться от стрельбы и дневного зноя, уже нет прохлады. Её, должно быть и не было, кажется, что жара, как густой мёд, вот-вот окончательно потопит нас, как мух.

Мух всё больше. Людей всё меньше, но количество мух, огромных, неторопливых, радужно сине-зелёных, сытых, растёт в геометрической прогрессии. Здесь наступил рай для этих созданий. Ленивые и объевшиеся трупоеды процветают, лезут к живым, будто проверяя, не поступила ли уже новая пожива... А мы скоро станем вонять почти как мертвецы или даже хуже: воды нет, нам скоро совсем нечего будет пить, где уж вымыться...

Но мы принюхались и сладковатому запаху гниющей плоти, который наполняет плотную раскалённую атмосферу вместо пряного чарующего аромата трав и цветов, земли и бурной речной воды, который всегда был здесь, в этих краях. В нашем подвале воняет нами. И это лучше, это всё же запахи жизни.

До воды как-то надо добраться. Мы уже страдаем от жажды. Цистерна, на разбитой платформе изуродованного взрывом тягача, стала нам видна через разрушенную стену забора, но до неё метров тридцать, а то и пятьдесят. Но главное, мы не знаем, есть ли там вода...

– Лютер, а кто такая Лёля? – спросил Коля Маслов, или как мы стали его звать Масёл, когда мы сели, наконец, поесть, спустившись в наш подвал, что служил нам и спальней, и столовой, и лазаретом.

После его вопроса все захохотали, я удивлённо посмотрел на товарищей:

– Чего вы? – я оглядываю их, мне невдомёк, откуда они могут знать о Лёле.

Они, хохоча, оглядываются друг на друга, тоже мне, уши в пыли, шеи грязные, на лицах уже заскорузла грязь, а туда же – насмеяться!

– Да так, ничего, – он усмехнулся, глядя в свою миску с гретой тушёнкой, – просто ты каждую ночь зовёшь: «Лёля, Лёля!», одолел! – он посмотрел на меня, трясаясь от смеха. – Жена, что ль? Ты женатый как мы поняли...

Я залился краской. Надо же, во сне разговаривать стал, никогда это за мной не водилось...

– Не жена, наверное, поэтому и зовёт! – все опять заржали, как кони. – Зазноба тайная!

– От них обеих сюда и свалил, – подхватили девчонки, подмигивая друг другу, поделились уже впечатлениями обо мне...

Варвара, Гена Варварин, хохотал, морщась, вчера ему сильно задело лицо, по касательной, но рана свежая ещё, болит...

Глушко мы прозвали Галушкой, смеётся, булькая, чуть не давясь перловкой в котелке.

– Ты не стесняйся, Лютер, какие тут тайны у нас друг от друга теперь? Так что, жена?

– Жена... – я наклонился, чтобы не очень видели моё пунцовое лицо.

– Не переживай, дождётся. Если судьба нам отсюда выбраться, дождётся, – Мишку Николенко, мы зовём Коленкой.

Только Слава Волков и девочки остались без прозвищ, у него фамилия была лучше любого прозвища, а девушки – они девушки, как можно им прозвища давать?

Они обе погибнут завтра, когда ураганным огнём обрушатся на нас какие-то свежие силы духов... Когда не останется ни одного, кто не был бы ранен хотя бы легко, кроме меня.

Но это всё будет завтра, а сегодня, мы ещё смеёмся, потому что живы, молоды, потому что нам надёжно здесь и спокойно, и даже вкусно с нашей перловой кашей с тушёнкой...

Но завтра настало. Как всегда настаёт для тех, кто жив...

К вечеру нас шестеро живых. Только парни.

Девочек погребло под остатками обрушившейся стены, возле которой они и были убиты одной очередью на двоих. Я видел... я это видел...

Было затишье с утра, и девчонки вышли за пределы укрытия по малой нужде... они не успели спрятаться от наших глаз за углом разрушенного бывшего гаража, только дошли до него и обернулись на нас, выглядывающих из наших «бойниц», одинаковые усмешки мелькнули на лицах... И тут, будто эти улыбки были сигналом: кажется отовсюду, сразу со всех сторон, как чудовищный свинцовый вихрь...

Они даже не успели престать улыбаться, как их скосил и растрепал крупнокалиберный пулемёт, разрывая их тела, вырывая куски из голов, грудей, лиц... превращая из живых, молодых, весёлых и, так и не понятых мной, женщин в ничто... А через минуту взрывом обрушило и угол стены на то, что оставалось ещё Таней и Светой из Калуги...

Мы с Волковым отвернулись от дыр, в которые видели всё, Масёл, глядевший в другую сторону, удивлённо посмотрел на нас:

– Вы чё?

Мы с Волковым посмотрели друг на друга, он сказал сипло:

– Девочки... нету их...

Меня замутило и вырвало. Впервые за всё время здесь, хотя блевать мог бы на каждом шагу, но эти две девушки... они ведь девушки, даже прозвища не дашь...

Мы сидели так, прижав лопатки и затылки к прогретой солнцем стене, держа «калаши» в ставших ватными, руках, не в силах вновь приподняться и повернуться к «бойницам»... и улыбки девчонок плыли перед нами. Их смех. Их нестрогие объятия.

...Надо ползти за водой. Мы решаем сделать вылазку, как только стемнеет. Приготовили пластиковые бутылки, связав их между собой. Честно говоря, я не очень верю в успех нашего мероприятия.

Доползти – да, но как набрать воды из закрытой цистерны? Решаем придумать на месте. Нас толкает отчаяние и жажда, и невозможность сидеть без дела...

Никто не хочет остаться, да и мы не знаем, что и как делать, когда доберёмся до цели. Вот мы и поползли.

Вернее, до остатков стен мы добежали, пригнувшись, а выйдя за пределы двора, который теперь обозначался только границами куч битого кирпича, бывших когда-то стенами, то поползли.

– Варвара, зад пригни, не то, если не духи, так я засажу тебе... выставил... – проговорил Коленка, усмехнувшись, блеснув в темноте белыми зубами на грязном пыльном лице.

Мы все засмеялись, Варвара действительно смешно поднимал задницу, размахивая ею как флагом.

– Ладно, ржать-то... – смутился Варвара, останавливаясь.

Шурша животами по обломкам, и мусору мы доползли до цистерны без происшествий. Волков – первый, он постучал по стенке, присев возле, и мы уже на подступах, замерли в отчаянии: звонкий гул ответил нам – цистерна пуста, вода давно вылилась из огромной пробоины, которая нам была не видна из дома, мы и сейчас увидели её, только обойдя.

Мы прижались спинами к цистерне. Не меньше минуты прошло, прежде чем Коленка всё-таки сказал:

– Чё делать будем?

Всю эту минуту я смотрел на красную машину в нескольких метрах от нас: развороченный взрывом капот, но трупов внутри нет, дверцы распахнуты и салон целый, значит люди не погибли, убежали. Наверняка, была вода с собой и вряд ли люди забрали воду, убегая в страхе...

Я дополз до открытой дверцы, ребята увидели меня только, когда я уже заглянул внутрь.

– Ребята... – я не поверил своим глазам: в машине целая полиэтиленовая упаковка пластиковых бутылок с водой!

Вот это удача! Мы воспряли духом. Не помрём, стало быть!

Мы потащили воду обратно, радость, возбуждение забурлили в нашей крови: будем жить...

Но уже почти у стены нас накрыли очереди, духи заметили нас всё же и косят огнём. Масёл подхватил упаковку и бегом добрался до стены, спасая бесценный припас...

Ранило всех. Меня едва задело, я не заметил даже, только разобравшись со всеми заметил, как саднит плечо и перевязал касательно ранение.

Троих я оперировал. Варвара был ранен в грудь серьёзно, от кровотечения поджалось лёгкое, и он едва не задохнулся. Теперь он спал, но к утру ему стало значительно лучше, к обеду уже встал...

Коленка, потерял кисть правой руки и контужен. Я оперировал его, провёл первичную хирургическую обработку раны, зашил сосуды, ввёл антибиотик. Наркотик помог ему не страдать от болей...

Волков ранен в плечо. Сильное кровотечение угрожало его жизни...

Когда уже под утро мы, оставшиеся в живых и в сознании, устраивались спать, Волков сказал:

– Насколько я понимаю, если бы не ты, Лютер, сегодня не шестеро бы нас тут ложились спать, а... Намного меньше.

– Спи, Волков, – сказал я, укрываясь серым одеялом из множества тех, что были в этом больничном подвале.

– Спасибо, – проговорил он тихо, но отчётливо.

– Спасибо скажешь, когда выберемся отсюда. И потом... воду-то Масёл спас, – ответил я, засмеявшись и устраиваясь на матрасе, на бетонном полу. Матрасов сколько хочешь, и мы спим как принцессы на горошинах на нескольких тюфяках. Хотя бы не простывает никто от подвальных стен и полов.

Я заснул быстро, едва накрылся почти с головой...

Утром мы выбрались вновь наверх, на нашу позицию, мы это делали и будем делать, пока хоть кто-то из нас останется способен держать автомат в руках... Нам и в головы не приходит залечь в нашем подвале и дожидаться пока нас не вызволят. Ждать так, всё равно, что сдаться. Раненые, я уверен, все захирели бы тут же, прекратив сражаться. Но мы не надеялись на вызволение, а плена мы боимся куда больше, чем смерти. Мы знали уже, что делают с нашими бойцами в плену...

Поэтому мы потащили наверх патроны, гранаты и продолжили свой «рабочий день». Только Коленка и Варвара остались в подвале, Коленка спал пока наркотическим сном.

На рассвете он проснулся было, и взялся стонать от болей в оторванной руке. Пришлось снова загрузить его морфином... Варваре же к вечеру лучше, как ни удивительно, он даже не лихорадит. Только говорить я пока не разрешаю ему. Да и ходить пока тоже. Вот и остаются они двое в компании Волыны и её выводка.

Так что воюем мы вчетвером сегодня. Сколько их ещё, духов, чехов, боевиков? Как ни называй наших врагов, они начинают казаться гидрой. Мы бьём, но их только больше...

Они стреляют то короткими очередями, то отдельными выстрелами, а то принимаются долбить из «градов» и миномётов опять. Мина взорвалась совсем рядом с нами, но наше здание уже не только без крыши, но и без второго этажа, в нас труднее попадать теперь...

– До конца трёх месяцев сидеть тут будем надо думать, – смеётся вечером Масёл.

– Это ещё полтора? – Волков тоже захохотал.

И нам не верится, что прошло только шесть недель, как мы приехали сюда. Кажется, прошло несколько лет...

– Ты давно женат-то, Лютер? – спросил Масёл, когда мы уже легли, после того, как разбудили и кое-как напоили водой Коленку, он обмочил штаны во сне, и мы раздели его и переложили на другие матрасы, которых тут, в бывшем госпитале, изобилие.

– Давно... – проговорил я, не размышляя. – Я всю жизнь на ней женат. Сколько помню себя...

– Как это? – не понял Волков.

– Так это... – за меня ответил Масёл каким-то глухим голосом. – Счастливый ты... Тебе сколько лет?

– Десятого исполнилось двадцать три, – мы разговаривали в темноте, берегли батареи, если только факелы сделать зажечь, но они станут кислород выжигать...

Я удивился, действительно, ведь день рождения прошёл...

– Это чё, здесь уже? Что не сказал? Отметили бы...

– Да я забыл... я и сейчас-то, потому что ты спросил, вспомнил.

– А мне двадцать шесть. Но ни жены, ни... девушки по-серьёзному у меня не было никогда... – сказал Масёл с выдохом.

– Будет ещё, – говорю я.

– А я развёлся, – говорит Галушка. – Гулять стала, стерва, прикиньте! И добро бы не знал никто, так нет, всякий козёл мне намекал...

– А если бы не знал, ты простил бы что ли?

– Простил бы, подумаешь... – легко говорит он и я уверен, что он так легко соглашается, потому что он здесь, потому что у него просто нет возможности простить или нет. Да и нужно ли ей его прощение?... но он продолжил мечтательно: – Я же её люблю... Три года как развелись, она за другого давно вышла. А я всё думаю, может, уехать надо было вместе?... Увезти её от него, да и всё?

– Что лучше неё никого нету? – удивляется Масёл.

– Да... может и есть где, только я не вижу лучше. Так, потаскухи одни бездушные. Зарплату, квартиру, машину, кабаки, тряпки...

– И что, если бы вернулась, взял бы? – продолжает Волков, а я молчу, я не думал об этом. Я в последнее время чувствовал так, будто бы Лёля как была, будто не бросила меня...

– Взял бы, – не задумываясь, сразу ответил Галушка.

– Это потому что мы здесь, ты сейчас так думаешь... – сказал Волков, повторяя мои мысли. – Развёлся же...

– Дурак был.

– Н-да, мужики... – протянул Волков. – А у кого дети есть, ребята?

Оказалось, детей ни у кого нет...

– На аборт посылали кто? – опять допытывается Волков.

– Чё те неймётся сегодня, Волков? Спал бы...

– Три аборта, – проговорил Галушка хрипло.

Я ничего не сказал. Два выкидыша. Я не успел тогда даже начать думать о ребёнке, так быстро всё происходило, могло быть уже двое детей...

– Совсем хреново, мужики... Это если... так ничего и никого не останется от нас... – протянул Волков. – Ни следа... Будто нас и не было...

– Хорош, заладил... Дятел х**... – злится уже Масёл.

– Никто не погибнет больше. И ребята будут живы, – сказал я. – Мы тут кровавую дань достаточную заплатили. Все вернёмся.

Почему-то всех успокоили мои слова, даже меня самого. И мы заснули, и я снова вижу Лёлю во сне.

Как хорошо в этом сне, никакой боли, никакой обиды. Ни ревности... Лёля. Лёля улыбается, Лёля смеётся, Лёля подходит ко мне, Лёля целует меня. Лёля с горящими щеками и губами... Лёля... Лёля... Лёля...

Грохот разбудил меня, возвращая обратно в этот подвал, где уже поднимаются и мои товарищи, разбуженные грохотом... Я первым успел схватить автомат, хотя надо бы отлить... вот чёрт...

Мы побежали наверх на первый этаж нашей крепости, ночью прошёл дождь и здесь теперь лужи и пахнет влагой, мокрыми стенами, мокрой штукатуркой, почти не воняет мертвечиной...

Я едва залёг к своей импровизированной бойнице, как мы услышали с неба шумы винтов, самолёты или вертолётёты или и то и другое вместе... но парни ещё не успели подняться.

Я обрадованно оглянулся, чтобы сказать: наша авиация, у чеченцев самолётов нет... как оглушающий гром, раскалывающий весь мир, всё небо и землю... грохот и всё...

Глава 5. «Лёля!»

– Кирилл! Он здесь, он в Москве! Он в госпитале! Мне прислали письмо... вот!

Лёля почти вбежала в квартиру и, разуваясь, закричала из прихожей, вбежала ко мне в кабинет. Она держит растормошённый конверт в руке, сразу видно, как она нервно вскрывала его... Такой радостной я не видел её ещё ни разу, вообще никогда:

– Это товарищ его написал, Маслов. Люся сегодня утром получила на наш адрес. Я же прописана в общежитии... вот туда и... Слушай: «Лёля, простите, что так обращаюсь, так называет вас ваш муж, Алексей Легостаев. Он жив, ранен и отправлен в Москву. Он герой у вас, он спас нас всех. Вы передайте ему, пожалуйста, что мы все живы. И Масёл, это я, и Волков, и Варвара, и даже Коленка, и Галушка. Не удивляйтесь, он поймёт. Он замечательный доктор и человек редкий. И талант от Бога. Он пел нам свои песни. И ещё, Лёля, он очень вас любит. Не отпускайте его больше на войну. Николай Маслов.»

– Ты слышишь, Кирюша, милый?! Мой милый Кирюша, Лёня здесь, в Москве! Надо только найти в каком госпитале! – она обнимает меня, сидящего за столом.

– Да в «Бурденке» должно быть, где ещё... – сказал я, вставая ей навстречу, взял письмо из её рук.

Пробежав глазами, понимаю её радость и ещё понимаю то, о чём ещё не успела подумать она: если он тут в Москве, значит, ранен серьёзно...

Сейчас важно, что он жив. Кирюшей назвала меня, никогда так не называла...

– Так поехали!

– Погоди, надо позвонить вначале, а если он не там...

– Позвони, Кирюшенька!

Но я притягиваю её ладонью за шею к себе, я целую её в губы, я не делал этого с того несчастного дня, двенадцатого июня. Я не позволял себе этого, чувствуя, что ей нежеланен не то, что я, но сама жизнь.

А теперь, когда жизнь со всеми красками вернулась и в глаза её и в её лицо, я не могу не воспользоваться этим мгновением... просто почувствовать, что мы живы. Все мы живы. Мы тут замерли в анабиозе, пока ждали вестей от Алёши...

– Что ты... – она отодвинулась немного удивлённо... – Кирюша...

– Прости меня... – я отвернулся, опираясь о столешницу сжатыми кулаками.

– Ты прости меня, за всё... – Лёля обняла меня со спины. Мягко и нежно, так что у меня сразу стало тепло на сердце. Всё же она любит меня...

Алёша оказался в Бурденко в реанимации. Лёля хочет немедленно поехать, и мне не убедить её, что нас скорее всего не пустят к нему.

Госпиталь Бурденко совсем рядом, ехать четверть часа.

– Ты скажи, кто ты, Кирилл, тогда нас пустят, – настаивает Лёля, мы проходим внутрь, я вижу нас в громадном старинном зеркале в вестибюле, я – кажущийся даже себе огромным, и Лёля – тоненькая, юная, с этими струящимися волосами... Как она владеет мной, я абсолютно в её власти...

Я оставил её здесь, а сам прошёл к начальнику госпиталя, я хочу узнать вначале, можно ли Лёле вообще его видеть... Я стараюсь не думать о том, что может быть с Алёшей, с моим мальчиком...

Я извелась, ожидая Кирилла. Здесь мы были на Нейрохирургии... Какой ужас быть здесь с другой стороны. Не врачом, не владельцем судеб, а пациентом, близким человеком того, кто лечится...

Я не могла не вспомнить и ту больную девочку, что оперировали тогда нейрохирурги, и её отца, бессильно и обречённо смотревшего на нас...

Нет, Лёня не умрёт... Нет-нет! Его вернули мне не для того, чтобы отнять снова!..

Появился Кирилл, он в халате и для меня несёт халат. Я обрадовалась: нас пускают! Впрочем, кто и в чём мог когда-нибудь отказать Кириллу?

Начальник госпиталя оглядел меня без стеснения и с интересом. Наглый взгляд не тронул меня, думайте что хотите, только пустите к Лёне...

Мы проходим по коридорам. Халат, что мне дали, здоровенный, пахнет хлоркой от отбеливателя, я застегнула его, подвернула рукава, пока шла вслед за мужчинами. Мы дошли, наконец, до двери с окошком, это реанимация. Просторное помещение, на... чёрт его знает, на сколько коек, тут ещё ответвления какие-то в этом старинном здании...

...Но как тут узнать моего сына... я оглянулся почти беспомощно на начальника. Он тоже искал глазами сестёр, чтобы спросить, который Легостаев. И тут я увидел, что Лёля уже нашла Алёшу... Среди этих, почти без лиц, забинтованных, закрытых масками ИВЛ парней... безошибочно могла узнать только она. Женское сердце видит лучше глаз. Любящее женское сердце...

Лёня... Голова, левая половина лица забинтованы, трубка подходит к губам, прилеплена пластырем... Боже... вся левая половина тела... обожжена, должно быть?.. Рука в гипсе, нога привязана к грузу...

– Сочетанная травма, – начальник читает историю болезни. Контузия. Субарахноидальное кровоизлияние, ожоги первой-второй степени лица и грудной клетки, переломы четвёртого, пятого, шестого рёбер слева, ушиб грудной клетки. Переломы плечевой и лучевой и локтевой костей слева. Перелом большой и малой берцовых костей слева... – начальник посмотрел на сестру: – На ИВЛ? Сам не дышит?

– Пневмония началась вчера, перестал дышать... – тихо ответил начальник, как приговор...

Я помертвела... Лёня...

Алёшка обречён... Травмы – ерунда, но пневмония... да ещё госпитальная – это почти без шансов, её же ни один антибиотик не возьмёт, возбудитель, выросший в стенах больниц, неубиваем, стоек ко всему, даже к жёсткому рентгеновскому излучению... Мой мальчик...

– Геройский сын у вас, Кирилл Иванович. Сказали, один с отрядом из пяти человек держал здание госпиталя почти три недели. Пока наша же авиация не шмальнула по городу... Хорошо, что товарищи его вытащили, что наши подошли всё же вовремя...

...Я слышу, что он говорит... И будто его, Лениными глазами вижу всё, что произошло.

И оглушительный грохот и огромные падающие сверху камни, слипшиеся цементом кирпичи, пламя обжигает кожу, ломаются мои кости, гудит, будто колокол моя голова...

А потом полёт и лёгкость, темнота...

...Это не всё, что я видел, Лёля... Я ещё видел тебя... я видел тебя и только поэтому лёгкость вполне не овладела мною... Ты со мной. Ты была со мной каждый день, каждую ночь там. И сейчас ты со мной... Я тебя вижу, я тебя чувствую... Лёля, я чувствую твоё сердце рядом, только не уходи, не забирай сердца...

Лёля не выходит из госпиталя ни на минуту уже пятый день. Ей позволили быть рядом с Алёшей. И мне начинает казаться, что она держит, буквально держит его здесь, на земле. Возле себя. Она засыпает, падая головой, рядом с ним на койку.

Она выходит только, чтобы поесть за три минуты раз в день, ну ещё, может быть, в душ, потому что даже через неделю своего пребывания здесь, она не перестаёт пахнуть своим волшебным свежим ароматом прекрасного тела...

Я приходил дважды в день, ненадолго. Говорил с врачами, они удивлялись... они не видели ещё примеров такой стойкости. И его и её... Как он жив до сих пор? Он пролихорадил почти неделю и температура начала возвращаться к нормальной.

Она ходит за ним как за младенцем, выполняет всю работу реанимационных сестёр, не вмешиваясь ни в назначения, ни в применение лекарств, выполняет только работу сиделки... а ещё, это сёстры говорили мне, говорит с ним, всё время, шёпотом, обнимая его голову, наклоняясь к подушке, держа здоровую руку...

–...Тихо-тихо, мы не слышим, но всё время что-то говорит. Не отпускает, – вполголоса говорят мне сёстры.

– Она не отпустит, – говорю, я знаю.

– Моему бы сыну такую жену, – говорит одна из сестёр, ещё, по-моему, слишком молодая, чтобы думать о невестах для сына.

На восьмой день сняли ИВЛ. Алёша стал дышать сам. И появилась серьёзная надежда на то, что он останется всё же с нами, останется в живых... Я как робот действую все эти недели, я не могу позволить себе чувствовать, иначе я сойду с ума от горя и чувства вины...

Пока я бегал в Бурденко каждый день, и Лёля не выходила отсюда, в Хасавюрте подписали мир, оканчивая войну. Войну окончили официально, война окончена, а мой мальчик ещё не очнулся...

Не очнулся. Но... я услышала, как он шепчет... Что, Лёня?.. я наклонилась ближе. Как можно ближе к нему... Боже мой... Боже мой, он шепчет моё имя... Лёня, милый мой...

Он не просто шепчет, он зовёт... и на другой день. Он открывает глаза ненадолго, но пока не говорит... повязку с лица уже сняли, как и с головы, опалённые волосы, ресницы, брови, но ожоги почти зажили. На груди хуже, здесь были пузыри, они засохли в корки, я их обрабатываю каждый день, стараясь не причинять боль, хотя он и без сознания. Но вот он открыл глаза...

Он открыл глаза. Они улыбаются... «Лёля... как хорошо...» он улыбается, снова закрывая глаза...

Когда пришёл Кирилл в этот день, я сказала ему, что Лёня открывал глаза... Кирилл обнял меня с радостью.

То, где был Лёня, где он теперь мы с ним до сих пор держим в секрете от всех наших Нских, мы решили подождать, пока ему не станет по-настоящему лучше...

– Приедут наши, что про нас говорить будем? – спросил Кирилл.

Она ничего не ответила.

– Или ты надеешься, что Алёшка простит всё? – он посмотрел на меня так, будто хочет проникнуть в мои мысли.

Но что тут проникать, ясно, что я мечтаю о том, что Лёня простит меня и всё забудет...

Она не говорит ничего... да, мы с ней преступники, и Алёша – наша жертва. Сознаться в преступлении всем... Я готов потерять всё, если она будет со мной. Но не Лёля...

Теперь Лёня приходит в себя уже по-настоящему, надолго. Но смотрит уже строго и молчит. То ли не узнаёт меня, то ли у него нет для меня слов...

Я две недели здесь. Я знаю уже всех сестёр реанимации, завтра Лёню переведут отсюда в обычную палату. Ему предстоит учиться ходить, но это будет ещё не скоро, пока ещё снимут вытяжение, наложат гипс, потом начнёт... Даже сидеть он ещё не способен... даже глотать может только пятый день...

– Ты давно здесь? – наконец спросил Лёня, глядя на меня.

Я даже вздрогнула от неожиданности.

– Д-две недели, – запнувшись, отвечаю я.

– Почему?

– Почему? Что, «почему», Лёня?

– Почему ты здесь? Жалеть пришла?

– Жалеть? – я не сразу поняла.

Я и не думала его ещё жалеть, я так хочу его вернуть, что ни о какой жалости я не помышляла. Я хотела его вернуть на землю, теперь я хочу вернуть его в мою жизнь, потому что без него для меня ничего нет.

– Страшный я?

Я смотрю на него, он задавал мне этот вопрос когда-то, когда синяки уродовали его милое лицо. Теперь он страшно худой, левая половина лица ещё сизо-красного цвета и шелушится корочками. Кирилл принёс мне мазь для восстановления кожи, я исправно мазала Лёню ею. Ресницы и бровь тоже скоро вырастут, как растут уже волосы на левом виске...

– Да нет, не очень-то, – говорю я, вспоминая, какой он был, когда я увидела его здесь, с этой трубкой, вот когда был страшный... но я не говорю ему об этом.

– Ты и... судно мне выносишь...

– Судно у тебя третий день, милый, до этого катетер был...

– Господи... – он закатил глаза, дёрнув губой, и провёл здоровой ладонью по лицу, не глядя на меня.

– Ты что?

– Верх унижения – быть беспомощным, распятым при бывшей жене, – он отвернулся.

Меня огорчили эти слова, но не обращаю внимания, сейчас не время и не место, конечно, говорить о нас... Но мне страшно от его убеждённой суровости. Но даже этот испуг не может победить счастья, что мы справились со смертью, что мы вынырнули из бездны, что он жив и будет теперь жить, и что война закончена и ему некуда будет сбежать...

– Там... Очень страшно было? – спросила я.

– Там? – переспросил он, холодно взглянув на меня. – Здесь страшнее...

И к этим словам я не стала цепляться.

Вечером пришёл Кирилл. Глаза огромные, взволнованные. Лёня даже приподнялся, увидев его. Кирилл, исхудавший за последнее время, обрадованно улыбнулся, просиял даже и протянул руку сыну:

– Ну, здравствуй, герой!

Лёня не сразу, но всё же пожал его руку.

– Да ты сегодня вообще огурец, а, как считаешь, Лёля?

– Уже переводят в палату, – сказала я с гордой радостью.

– Когда?

– Хотели завтра утром, но, похоже, переведут сейчас, места в реанимации нужны, а Лёня выздоравливающий.

Волосы на левом виске и брови у Лёни, ресницы, всё, что было опалено, теперь растёт совсем белого цвета. Я не сразу заметила в его светлых волосах, но с каждым днём это заметнее.

В палате, куда перевели Лёню, ещё пять человек, разного возраста, только один моложе Лёни, ему восемнадцать, остальные старше от тридцати до сорока лет.

Теперь я не могла ночевать здесь. Теперь я должна буду вернуться домой,

но я приходила утром, я проводила здесь по много часов, я помогала и остальным и скоро они все дружно обожали меня, кроме, увы, моего мужа, который по-прежнему смотрел холодно и строго. Но я готова терпеть, я готова ждать, я готова всю жизнь ждать, только бы рядом с тобой.

Осень и учёба давно началась, но я пропускаю. Я предупредила преподавателя Терапии, что я пропущу несколько занятий, вначале это было встречено с высокомерным возмущением, но когда я сказала, что ухаживаю за раненым мужем, отношение изменилось кардинально. Я поняла, что могу прогулять хоть весь цикл.

Работа закончилась тоже, мне пришлось уволиться, так что теперь мои доходы это опять только стипендия в 84 тысячи. Как я понимаю, эта цифра составлена из суммы стоимостей «единого» проездного и общежития за месяц: соответственно 30 и 54 тысячи. Конечно, у меня есть деньги, бабушка Вера, бабушка Таня, дядя Валера присылают мне, но Кирилл настаивает на том, чтобы я не тратила их. Но я и не тратила, я тут скоро месяц, какие траты...

– Почему мама не приходит? – спросил как-то Лёня.

Я почувствовала, как краснею:

– Я до сих пор не сказала, что... что ты был...

– Спасибо, – сказал Лёня, впервые голос звучит чуть мягче, чем всегда. Но потом вдруг, будто спохватившись, спросил: – Но... ты не сказала, чтобы они не волновались за меня или потому что придётся тогда всё сказать?

– Не хочется быть преданной анафеме...

– Придётся рано или поздно. Вы живёте вместе.

– Нет... Мы... не...

Но он оборвал меня:

– Не надо мне ничего рассказывать, я не хочу ничего о вас знать! – скривился Лёня, бледнея.

– Нечего о нас знать. Никакого «нас» нет! – сказала я.

– Я сказал, мне всё равно! И не вздумай рассказывать мне... – его голос холоден и жёсток, впрочем, как всегда с тех пор как он пришёл в себя.

– Не надо сердиться, – тихо сказала я, опуская лицо. Я понимаю, что он болен, я понимаю, что я самый худший враг, но зачем орать на меня при всех этих чужих дядьках и пацане?..

– И знаешь, что, Лёля... ты... не приходи больше. Позвони моим, пусть мама приедет. А ты не приходи и... ему скажи то же.

– Лёня... – тихо, не веря ещё, что услышала это, проговорила я...

– Лёль, – Лёня скривился презрительно или... скорее с отвращением, – иди домой... иди... иди к мужу! Нечего тебе тут делать.

– Лёня, ты мой муж... – пролепетала я.

– Нет, больше не муж. Я с тобой развёлся.

Меня будто по лицу хлестнули, тем более что говорит он это очень отчётливо и достаточно громко. Вся палата замерла от его слов. То-то удивились, поди, думали, как и я, что я Лёнина жена.

Я встала, выпрямившись:

– Хорошо, Алексей, завтра мама приедет, – сказала я. – Про войну сам расскажешь, похвалишься героизмом, я только о себе скажу. Выздоровливай!

Я направилась к двери:

– Всем доброго здоровья, кавалеры! – сказала я, обернувшись, прежде чем закрыть за собой дверь.

– Ты чё? Взбесился что ль?

– Ну, ты... и дурак же, паря.

– Таковую девку прогнал!

– Была хоть радость, как приходила...

– Так она не твоя жена что ль?!

Это пятеро моих соседей по палате наперебой напустились на меня, едва Лёля вышла из палаты. А я закрыл глаза, зажал рот ладонью, только бы не заорать, не позвать её назад...

Но я заорал, я не выдержал, я рванулся с кровати, чёрт, кто приковал меня здесь, пустите!!!

– Лёля!.. ЛЁЛЯ!... – ору я и рвусь с кровати.

- Да ты чё, дурак, ногу свернёшь, ломать будут!
- Сестра! – ходячие хватают меня, прижимая к кровати, чтобы я не свалился на пол...
- Но я кричу, во всё ещё не вполне моё горло:
- Лёля! Лёля!.. ЛЁЛЯ-А-А...

Я зубами вцепился в гипс на руке, рискуя обломать их, но мне всё равно, гипсом я раздавил себе губы и чувствую вкус крови во рту, потом я увижу, что и гипс испачкан кровью. Но это я замечу только завтра...

А сейчас прибегает сестра и скоро, поняв по сбивчивым «показаниям» моих соседей, что у меня нервный припадок, вкалывает мне что-то дурманящее, должно быть сибазон...

Я очнусь уже завтра, когда мама прикоснётся прохладной ладонью к моему лицу.

Мама... мама... а я видел Лёлю во сне...

Я потянулся, чтобы обнять маму. Мама никогда не предаст. Мама никогда не выберет себе другого сына, чтобы его любить вместо меня...

– Что же случилось, Лёня? Ты в аварию попал или что? – растерянно и испуганно проговорила мама, большими серыми глазами глядя на меня, вот-вот и брызнут слёзы. Мамочка...

И не успел я подтвердить мамины слова, как мой сосед выпалил:

– Да вы что, дамочка! Тут военный госпиталь, он герой войны, а не лох тыловой, в аварии попадать!

Что тут началось! Что там моё непоступление в институт, это была не буря. Вот теперь и слёзы, и упрёки, и счастье, что я всё же живой...

На обход пришёл заведующий, Зураб Михайлович, ординаторы, маму на время удалили из палаты.

– А где жена-то? – спросил доктор. – А, коллега?

– Прогнали мы жену, однако, Зураб Михалыч! – отвечает за меня мой бойкий сосед.

Зураб Михайлович смотрит на меня с недоумением:

– Прогна-ал? – протянул он. – Это ты, брат, погорячился. Такие жёны, знаешь... Она тебя с того света две недели вытягивала, слышь, Алексей Кириллыч? По шажочку, по миллиметрику... Не она, уже да-авно отъехал бы. Ничего, – он похлопал меня по здоровой руке. – Обратно позови. Простит. Ссоры, они, только чувства будоражат. Придёт, не волнуйся. Любит тебя, значит, простит. Женщины тем, кого любят, всё прощают. Их заставить себя любить трудно, но если уж... то всё простит. Так что, позови только, прибежит. Ты сейчас на привилегированном положении, героям позволены мелкие слабости...

Добродушный и говорливый пожилой доктор сказал ещё много успокоительных слов...

Я приехала домой на Сущевский вал и первым делом, чтобы не передумать, даже не раздеваясь, сразу прошла в кабинет Кирилла и набрала номер Натальи Аристарховны, втайне надеясь, что она не ответит, и я не решусь позвонить снова.

Но она ответила... Я сказала, что Лёня заболел и лежит в такой-то больнице, что просит её приехать... И что я не могу ухаживать за ним, потому что я теперь жена Кирилла Ивановича. На этих словах я положила трубку, чтобы не слышать недоуменных вопросов, возгласов и всего, что не могло не вырваться у нормальной матери и свекрови...

Положив трубку, я долго сидела здесь, не в силах сдвинуться. Главное, что он живой. Главное это. А... что любить долго не сможет теперь после такой твари... но когда исцелится, полюбит другую... Любая будет счастлива с ним...

Щёлкнул замок, Кирилл вошёл и через минуту крикнул:

– Лёля, ты дома?!

– Да!.. Я здесь! – ответила я.

– А я смотрю, плащ твой...

– Плащ?.. ну да...

– Ты сегодня рано...

Он вошёл в кабинет, улыбаясь, немного недоумевая:

– Ты что тут?

– Звонила Наталье Аристарховне. Сказала, что Лёня ждёт её... и что мы с тобой теперь...

Что я твоя жена.

Он присел на подлокотник кресла, глядя на меня:

– Правда, сказала так?

– А что ж теперь... – устало проговорила я. – Теперь всё хорошо, можно и сказать.

– И что теперь будет? – бедный, как я измучила его, боится меня. Господи, какое я чудовище... для всех. Я подняла глаза на него: – Что будет... Теперь всё... Жить будем...

Часть 6

Глава 1. Кому выгодно?

Я попросил бы маму позвать Лёлю, если бы она не если бы она не знала о них с отцом и не повторяла неустанно, как «разочарована», как она «так и знала», что ещё ждать от дочки «такой как эта Соколова»... Но больше всего мама говорит всё же о другом, о том, как же я так мог, как я мог не думать о них, о ней, уйти, ничего не сказав, уехать на войну, почти погибнуть, как можно так рисковать и ради чего?! Ради того, чтобы отомстить недостойной девчонке-шалашовке!..

– Нет, мама, вообще-то, когда твоя страна воюет, долг мужчины воевать! – не выдержал я.

– Вот как... – мама даже рот открыла: – но война-то... Что-то даже ещё тем летом ты и не заикался о том, чтобы воевать, «как мужчина»!

Только теперь, когда...

– Мама, пожалуйста, хватит, давай больше не будем об этом говорить, – уже взмолился я.

И всё же мама не унимается и время от времени заводит разговор о Лёле. Легче становится, когда её через неделю сменили бабушка и дед. С ними мне привычнее и найти общий язык нам проще.

... Легче, милый ты наш мальчик. Как повзрослел с весны. Стриженный теперь, худой, глаза огромные. Со светом изнутри... Ты и раньше светился, но то был ясный, чистый свет. Теперь же он из таких глубин, где мы с Иваном и не бывали...

Нас война не обожгла, мы были юные, совсем дети во время войны, мы помним голод, Иван помнит обстрелы Н-ска, бои под городом, немцев, что были в городе два месяца, пока их не выбили, у нас же в Казахстане и этого не было...

Но ни Иван, ни я не воевали, а наш мальчик...

Он не рассказывает ничего. Когда Иван спросил, Алёша побледнел, посмотрел на деда тёмным без блеска взглядом, и сказал:

– Давай не будем говорить... там... Словом, я думал, врачи много видят смертей, страшных вещей, но... – голос его дрогнул. – Люди начинают войны, потому что не знают, что это такое...

Мы переглянулись с Иваном, вот так, теперь нас учит наш взрослый внук... Наш внук, за несколько месяцев переживший столько горя, сколько нам посчастливилось никогда не видеть...

О Лёле мы не говорили и не спрашивали его, понимая, что война со всеми её ужасами это ничто, по сравнению с тем, что сделала с ним Лёля. Что Кирилл сделал. В том, что он главный виновник произошедшего, я не сомневаюсь.

Узнав обо всём от истерически рыдающей Наташи, мы с Иваном проговорили целый день об этом, не столько о том, что наш внук болен, мы не знали тогда, что он ранен на фронте, как ни дико это звучит в наши дни, но о том, что с ним сделали двое самых близких ему людей.

– Надо поговорить с Кириллом, – сказала я.

– О чём поговорить, Лариса?! – Иван рассердился так, что поднялось давление. – Да я не хочу его даже видеть! Ты прости меня, не обижайся, но я к Кириллу не поеду. У подружки Наташиной остановимся, когда к Алёшке поедем...

Но этим разговор не кончился. Через час или два Иван заговорил снова:

– Может это... Может Наташа не так поняла что-то?

– Что ж тут понимать ещё? Лёля сказала без обиняков, что теперь она жена Кирилла.

– Нет, это несусветное что-то. Он ошалел?! – воскликнул Иван.

– Ваня, выпей капель, успокойся! – я начала уже опасаться, что наши дети и внуки доведут нас до инфарктов.

Я тоже переживала, только молчала, чтобы не заводить Ивана ещё больше. Я не могу понять, как это могло произойти, что Лёля... От кого угодно могла бы ждать, но не от неё. Или материнские ветреные гены?..

А Иван бушевал ещё несколько дней, особенно когда мы узнали, что Лёня не просто заболел... И какое счастье, что мы ничего не знали. Но за это спасибо как раз Лёле, что пощадила нас...

И всё же я не могла не сердиться на неё. Сколько будут девчонки из этой семьи морочить моих мальчиков?! Но, конечно, то, что натворила Лёля, с легковесным кокетством её матери не сравнить...

Это как же можно так распусться, что... Я была очень зла. Но ровно до того момента, пока не узнала, что она пять недель выхаживала Алёшу, что вытянула его буквально с того света. Тут моя душа смягчилась, всё же она окончательно ушла, только когда стало ясно, что он поправляется... когда я узнала насколько тяжелым было положение Алёшки, практически безнадежным и она одна вытащила его, я перестал так сильно сердиться на неё. Даже если из жалости выхаживала. Чувствуя свою ответственность. Жена всё же... Но что тогда произошло?..

Я решила было спросить об этом Алёшу, но не успела, когда услышала от него, уснувшего при мне, как он зовёт Лёлю во сне.

Его соседи по палате, увидев моё замешательство, тем большее, что Алёша никогда раньше не говорил во сне, сказали:

– Ох, это каждую ночь. Мы уж привыкли. Как начнёт стонать да метаться, звать её, пока не проснётся с криком...

– Каждый день это кино... Жуть. С тех пор как он её прогнал, всё только хуже.

– Прогнал, значит... – протянула я.

– Что вы! Как и прогнал-то... будто по щекам настегал. Не знаю, может за дело, конечно, но... – охотно делятся со мной соседи по палате.

– А мы полюбили её тут...

И мы полюбили её... Но Лёля, как же могло произойти...

Я позвонила Кириллу. Ругать девочку у меня всё же не хватало духу, но не поговорить с Кириллом я не могла, я должна понять. Это Ивану достаточно быть возмущённым.

Кирилл обрадовался моему звонку и сказал, что приедет в госпиталь. Он звал к себе, но я отказалась, я не хотела застать Лёлю, я не знаю, как и о чём мне говорить с ней, с девушкой, заставляющей так страдать моего внука...

Мы с ним встретились в больничном парке. Кирилл странным образом помолодевший, от того, что похудел что ли, смотрит на меня, улыбаясь. Мы говорим об Алёше, о том, что он поправляется, только спустя несколько минут я, наконец, решила спросить:

– Что произошло, Кирилл? Как ты мог это сделать?

– Мог и сделал, – бледнея и хмурясь, ответил мой преступный сын. Неужели не осознаёт своего преступления?

– Но ведь...

– Мама, я понимаю тебя, во мне долго боролись два человека, мужчина и отец...

– Кирилл, это не два, это один человек! – перебила я, я возмущена до глубины души: «мог и сделал»! – Ты дал жизнь ребёнку, чтобы потом украсть его душу...

Он поморщился:

– Не надо высокопарных слов... А мне, стало быть, можно было без души...

Мы идём вдоль аллеи, где, несмотря на чувствительный осенний ветер, много таких же прогуливающих в старомодных больничных пижамах из синеватой фланели. Ветер шелестит листьями, что сохраняются на ветках над нами, а мы – уже опавшими, разгребая их носками ботинок. Как хорошо гулять в такую погоду в шуршащем парке, но как тяжело среди всего этого золотого очарования говорить о том, о чём говорим мы.

– Кирилл, ты взрослый человек, ты вдвое старше...

– «В лета как ваши, живут не чувствами, но головой»?.. – бледнея ещё больше, проговорил Кирилл. – Должно быть, я произвожу впечатление какого-то конченого мерзавца даже на тебя, мама, – он посмотрел на меня. – Но я влюбился в Лёлю с первого взгляда, тому почти шесть лет. Можешь вообразить, сколько я боролся с собой... – мы сели на скамью, с которой он смахнул листья ладонью. – За это время я стал и лучше в сотню раз и хуже... – он наклонился вперёд, глядя перед собой. – Ты не представляешь, на что оказался способен... Я отравил Лёлю, чтобы легче соблазнить... и... – он провёл ладонью по лицу, словно снимая паутину, – я убил этим их ребёнка. Моего внука...

– Я ничего не знала о ребёнке... – ещё этого не хватало... не только жену, но и ребёнка отнял у Алёши... Ах, Кирилл...

Мне больно. Мне больно за них обоих. И за сына, и за внука.

– И я не знал тогда, сама Лёля ещё нетвёрдо знала и...

– И она не возненавидела тебя?!

– Возненавидела, а как же... Но я преодолел и это.

– Вот почему ты развёлся с Александрой.

– Я понял, что не могу жить во лжи. Я прожил во лжи и притворстве большую часть моей жизни.

Мы впервые за очень много лет говорим так откровенно с Кириллом. А может быть это вообще в первый раз в нашей жизни... Я смотрю на моего мальчика, моего сына, который так давно уехал из дома и так давно повзрослел и вижу в нём такого же юношу, как и Алёша. Не мерзавца, погрязшего в омуте разврата и эгоизма, но человека, не совладавшего со страстью, возможно и с любовью, с той самой, которая приходит не к каждому человеку и не в каждую жизнь... То, что этой любовью оказалась та же, что и у его сына – жестокая ирония, злая шутка судьбы...

И я не знаю теперь кого мне жалче, того, что зовёт во сне Лёлю или этого, у кого полностью сломалась и заново выстроилась жизнь... Но жаль обоих, потому что катастрофа эта не окончена...

Юля Соколова... Если бы хотя бы наполовину такой силы чувства в нём были тогда, они были бы с Юлей счастливо женаты всю жизнь...

Я положила руку на плечо сына. Он накрыл её своей большой горячей ладонью, обернувшись.

– Что же делать будем, Кирилл? – спросила я.

– Жить будем.

Да, жить. Лёля стала жить со мной так, как я мечтал так давно. Но и в мечтах этих, я не представлял вершин счастья. На которые поднялся с той минуты, как она сказала мне: «Будем жить».

Теперь, когда отпала необходимость прятаться, когда не надо бояться выдать себя неосторожным словом или взглядом, когда не надо воровать, когда я не принуждён слышать то, как они с Алёшкой счастливо щебечут друг с другом, видеть закрытую дверь в их комнату и знать или даже слышать, что там происходит, когда она сама, сама признала меня своим мужем, у меня расправились крылья. Буквально. Так я не чувствовал себя никогда, даже в юности. Даже в юности я не был так лёгок и юн, как теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.